

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации
им. Льва Толстого

И.В. Ерофеева

**Словообразование и стилистика в
истории русского языка**

Учебно-методическое пособие для студентов-
филологов

Казань – 2018

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

Рекомендовано

учебно-методической комиссией Ученого совета ИФМК
им. Льва Толстого Казанского (Приволжского) федерального университета
Протокол № 6 от 28 февраля 2018 года

Составитель

д. филол. н., профессор кафедры русского языка
и прикладной лингвистики **И.В. Ерофеева**

Рецензенты

д. филол. н., доцент **М.О. Новак**
(Казанский (Приволжский) федеральный университет);
к. филол.н., доцент **Э.Р. Замалютдинова**
(Казанский государственный энергетический университет)

Словообразование и стилистика в истории русского языка:
учебно-методическое пособие по спецкурсу для студентов и
магистрантов филологических специальностей / Автор-сост.
И.В. Ерофеева. – Казань, 2018. – 65 с.

В пособии рассматриваются вопросы исторической стилистики и исторического словообразования как в отдельности, так и в их взаимосвязи и взаимодействии. Прослеживаются пути формирования продуктивных словообразовательных типов в истории русского языка, отмечается их роль на разных этапах становления деривационной системы русского языка, а также место словообразования в стилистической организации текста. Особое внимание уделяется вопросам развития стилистической системы русского языка и ее влияния на формирование русского литературного языка. Пособие предназначено для студентов старших курсов и магистрантов филологических специальностей и направлено на закрепление и углубление знаний в области истории русского языка.

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА	6
1.1. Историческая стилистика и история русского литературного языка.....	6
1.2. Предмет и задачи исторической стилистики русского языка.....	7
1.3. Специфика исторической стилистики как одного из направлений общей стилистики.....	10
2. ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА	12
2.1. Исторические пути становления стилей.....	12
2.2. Компоненты языкового знака, определяющие спектр стилей.....	15
2.3. Задачи изучения стилистически маркированной лексики.....	17
2.4. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи.....	18
3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА	19
3.1. Словообразование как динамический фактор стилистической организации древнерусского текста.....	19
3.2. Словообразовательные процессы и словообразовательные отношения в истории русского языка.....	22
3.3. Словообразовательная база и словообразовательные средства в истории русского языка.....	25
3.4. Формирование нулевой суффиксации и конфиксации.....	27
3.5. Словообразовательная синонимия, антонимия, омонимия и стилистическая организация текста.....	30
4. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СТИЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	33
4.1. Принципы стилистической интерпретации лексики.....	33
4.2. Стилистический аспект словообразования в современном русском языке.....	35
4.3. Книжные и разговорные словообразовательные средства современного русского языка.....	36

4.4. Роль словообразования в моделировании языковой картины мира.....	39
5. ТЕКСТЫ ДЛЯ АНАЛИЗА С ЗАДАНИЯМИ	42
5.1. Слово о князьях.....	42
5.2. Слово о полку Игореве.....	48
5.3. Слово Даниила Заточника.....	46
5.4. Слово третье Серапиона Владимирского.....	47
5.5. Повесть временных лет.....	49
5.5.1 Похвальное слово Феодосию Печерскому	50
5.5.2. Сказание о Белгородском киселе.....	50
5.6. Летописная повесть о побоище на Дону.....	52
5.7. Житие Стефана Пермского.....	54
5.7. Наставления митрополита Даниила.....	56
5.8. Домострой.....	57
6. Словарь древнерусских слов.....	61
7. Контрольные вопросы по всему курсу.....	63
Литература.....	64

ВВЕДЕНИЕ

Учебно-методическое пособие «Словообразование и стилистика в истории русского языка» посвящено рассмотрению проблем исторической стилистики и исторического словообразования. Как известно, словообразование сыграло значительную роль в формировании стилистического своеобразия русского языка, особенно в древнейшие этапы его развития, когда словообразовательные средства были четко дифференцированы по стилям употребления. Это связано с тем, что образование основных стилистических разновидностей русского литературного языка происходило в сложном процессе взаимодействия двух языковых стихий: книжно-славянской и народно-литературной, каждая из которых имела свою систему деривационных средств.

Исследованием проблем исторического словообразования и исторической стилистики на протяжении многих лет занимаются ученые Казанского университета. Значительный вклад в разработку данного направления лингвистической мысли внесли профессора В.М. Марков, Г.А. Николаев, Т.М. Николаева и др. В их работах историческая стилистика квалифицируется как особый объект исторической науки о русском языке. В.М. Марков рассматривает стилистику как «область языкознания, которая исследует различные формы проявления сознательного отношения к языку» [Марков 2001: 149], выявляя случаи такого отношения к языковым фактам в истории русского литературного языка. В монографии Г.А. Николаева «Русское историческое словообразование» проблемы исторического словообразования рассматриваются в связи с динамикой процессов и отношений в развитии словообразовательной системы русского языка, а также в связи со стилистической приуроченностью словообразовательных типов [Николаев 1987]. Монография Т.М. Николаевой «Очерки по исторической стилистике и словообразованию» посвящена истории формирования стилистических пластов русского языка и их роли в становлении норм русского литературного языка [Николаева 2000].

Изучение деривационного процесса как одного из наиболее распространенных актов номинации в диахроническом аспекте позволяет выявить общие и отличительные черты в процессе словопроизводства в древнерусском и современном русском языке, а также проанализировать особенности семантики производного слова, определить область его референции. Поскольку в деривационных механизмах языка реализуются творческое и эстетическое начало и «каждое производное слово отражает итоги речемыслительной, познавательной и номинативной деятельности человека, поэтому, исследуя производные слова, мы получаем возможность судить о том, каковы особенности этой деятельности» [Кубрякова 1981: 21].

Словообразование играет важную роль в организации языковой картины мира в любой исторический период развития языка. Элементы языковой картины мира обладают как устойчивыми свойствами, репрезентирующими непреходящие ценности в сознании народа, так и переменными свойствами, связанными с политическими, социальными, экономическими и другими условиями жизни народа.

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

1.1. ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА И ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

История литературного языка изучает становление и развитие нормы, которая преобразуется в результате последовательного развития системы языка. Стилистика же в исторической перспективе изучает не функционирование, а становление и развитие стилистических средств языка – всегда на фоне нейтральной нормы и в связи с развитием системы языка.

Содержание понятия «стиль» постоянно изменяется, и задача исторической стилистики – изучить, определить и описать качественные преобразования стилей.

Сложность стилистических исследований в том, что норма чем далее от нас во времени, тем неопределенней по очертаниям. Стиля в нашем смысле нет в раннем средневековье потому, что не существует индивидуальной творческой потенции. В сущности, стилем является штамп, который по традиции неизменен. Варьируются всего лишь семантические нюансы содержания текста, но это не вызывает варьирования форм, которые как раз и выступают в качестве индивидуально-авторских.

Сложность исторического изучения стилистики и в том, что на некоторых этапах развития стилистические варианты приходили не из системы языка, а проникали извне – через образцовые, обычно переводные тексты. Хотя такие стилевые ресурсы в момент, пока в системе не выработались еще собственные, и были в известной степени общеславянскими чертами, тем не менее они приходили извне, обслуживая параллельный ряд изобразительных словесных средств: иные принципы переносов (тропы), новые текстообразующие элементы, словообразовательные модели, не свойственные живой речи и т. д.

В средние века стилистика текста определялась не личным отношением к тексту, а общественной, культурной, государственной необходимостью. Чем

дальше в глубь веков, тем больше: не личность организует текстовые особенности, а общество навязывает личности традиционный трафарет.

С точки зрения языкового знака стилистика должна заниматься коннотациями, но любое вторичное в слове или в высказывании обусловлено основным значением, соединяющим понятие с реальной действительностью. Поэтому исследование возникновения коннотаций как неслучайных «созначений» есть задача исторической стилистики. Коннотации определимы лишь в общекультурном контексте, который актуализирует «созначения» эмоционально-эстетического плана, а ведь и текст – категория историческая. Любая многозначная единица языка может стать стилистическим средством, но в древнерусском языке была не многозначность в современном понимании слов, а архаический синкретизм семантики, при котором то или иное значение актуализировалось в определенном сочетании. Семантический синкретизм древнерусского слова порождает и многозначность современного слова (со стороны семантики) и синонимию (со стороны формы).

Контрольные вопросы

1. В чем различие предметов исследования исторической стилистики и истории русского литературного языка?
2. С чем связана сложность исторических исследований стилистики?
3. Чем определялась стилистика текста в средние века?
4. В чем заключалась специфика значения древнерусского слова, определявшая его стилистические возможности?

1.2. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Стилистика русского языка как особая отрасль русской филологии достаточно отчетливо определилась относительно недавно, однако в ней много уже сделано: намечены принципиальные направления, аспекты квалификации и классификации стилей, разграничены области и компетенции структурной стилистики, стилистики речи и стилистики поэтической речи, в многочисленных исследованиях вполне убедительно показаны эффективные методы и приемы стилистического анализа с привлечением материалов различной хронологической отнесенности. Важный вклад в постановку, осмысление и решение этих основополагающих вопросов был сделан выдающимися российскими учеными А.М. Пешковским, Л.В. Щербой, В.В. Виноградовым,

Д.С. Лихачевым, Б.А. Лариным, Г.О. Винокуром, В.В. Колесовым, В.М. Марковым, Г.А. Николаевым и др.

Характерная примета стилистических исследований последнего времени – это углубление и расширение контекста рассмотрения стилистических явлений в соответствии с местом стилистики в структуре филологического знания как дисциплины, промежуточной между лингвистическим и литературоведческим взглядами на произведения словесного творчества. Если лингвистические подходы и инструментарий позволяют «разложить» объект анализа, увидеть и осознать его составляющие в контексте существования и динамичного функционирования структуры языка, то точка зрения литературоведения обязывает иметь в виду то, чему и как служит полученный посредством лингвистических процедур состав языковых средств.

Становление стилей неотделимо от условий и путей складывания литературного языка. Известно, насколько сложными и дискуссионными вплоть до наших дней остаются проблемы происхождения древнерусского литературного языка, языковой ситуации в Древней Руси. Путь, предлагаемый учеными для изучения стилей древнерусского литературного языка, – это подробное описание по показаниям локальных памятников письменности тех конкретных разновидностей древнерусского языка, которые представляли собой реализацию норм и возможностей книжно-славянской языковой стихии, с одной стороны, и народно-разговорной – с другой. Выявление степени, форм, границ взаимодействия разных языковых стихий – еще одна важная линия воссоздания картины становления и функционирования стилистической системы русского языка на протяжении достаточно длительного периода времени.

Стили разделяются по сферам употребления («светские» и «церковно-богослужебные»), и далее – по жанрам: «летописно-хроникальный», «литургический», «житийный», «проповеднический» и др. На этом же основании строится традиция выделения в древнерусском литературном языке трех ведущих стилей: церковно-книжного, делового и собственно литературного.

Стилистика является общефилологической отраслью, она не может быть поделена между лингвистикой и литературоведением – в силу специфики предмета изучения. Возможности ее именно в этом аспекте прекрасно и убедительно показаны в работах Д.С. Лихачева [Лихачев 1970, 1999 и др.].

Так как в создании произведений словесной культуры участвует язык в целом, все его единицы и средства, то стилистический анализ не может сводиться к выборочной характеристике лишь каких-то из этих средств, если даже они заметно выделяются по тем или иным причинам на фоне других. При стилистическом анализе вопрос состоит не в том, чтобы определить, насколько

то или иное явление языка образно, метафорично, поэтично, а в том, как оно используется в рамках того или иного жанра и насколько ему соответствует.

Например, при анализе стилеобразующих функций синтаксических конструкций, в особенности тех, которые бытуют в русском языке с древнейших времен, важное значение приобретают прежде всего количественные показатели – массовость или эпизодичность одних и тех же синтаксических типов. Так, например, в памятниках деловой письменности, в частности в древнерусских грамотах, преобладают односоставные конструкции, треть которых приходится на инфинитивные, что вытекает из их жанрового содержания и назначения. Аналогично обстоит дело в деловых памятниках и последующего этапа истории русского языка. В тексте «Домостроя» из 800 односоставных предложений, служащих для выражения волеизъявления, 3/5 приходится на те, которые оформлены при участии инфинитива. Такого не обнаруживается в памятниках собственно книжной литературы или литературы художественной, поскольку присущая данным конструкциям синтаксическая модальность слишком часто вступала бы в противоречие с модальностью повествования.

Количество, регулярность, частота употребления одних и тех же либо функционально близких языковых форм – это одно из неперменных составляющих стилистики. Это значит, что повторяемость определенных позиций в тексте, повторяемость однотипного наполнения этих позиций теми же и близкими формами – обязательное условие, порождающее стиль и специализацию языковых средств. Поэтому стилистические средства становятся естественной базой для исторического языкознания – той ее части, которая призвана заниматься генезисом и историей стилистических средств языка на уровне фонетики, морфологии, лексики, словообразования, синтаксиса, тропики и т.д.

История стилистических средств, включая и историю стилей, – это вспомогательная лингвистическая дисциплина по отношению к собственно стилистике как филологической науке, имеющей дело с текстом. Если первая из них констатирует определенные языковые факты, сдвиги в их истории, то вторая объясняет целое с разных сторон, в том числе и с точки зрения составляющих его языковых средств. Подобное объяснение может расширяться вплоть до истории культуры, выявления межкультурных связей, как это представлено в исследованиях Д.С. Лихачева.

Контрольные вопросы

1. Какое место занимает стилистика в структуре филологического знания?
2. Каковы основные направления изучения исторической стилистики русского языка?

3. Какие три ведущих стиля традиционно выделяются учеными в древнерусском литературном языке?

4. Назовите основные принципы стилистического анализа текста.

1.3. СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ КАК ОДНОГО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ОБЩЕЙ СТИЛИСТИКИ

Историческая стилистика – одно из направлений общей стилистики, изучающее процессы становления стилистических ресурсов языка в ходе его развития, формирования его стилистической системы и средств выразительности. Особое внимание в стилистике уделяется исследованию возникновения функциональных стилей и более частных жанрово-речевых разновидностей в связи с факторами экстралингвистического характера. Историческая стилистика подразделяется на два аспекта исследований: структурный (строю языка, его диахронии) и собственно функциональный. При этом изучение первого аспекта сопровождается учетом функционального аспекта, т.е. процессов употребления языковых единиц, что вытекает из тесной взаимосвязи развития языка с его использованием в процессах общения. Поскольку любое изменение языка начинается в речевой деятельности, изучение функционирования языка позволяет определить причины языковых изменений.

Стиль – это категория историческая. Развитие стилистической системы русского языка происходило в сложных процессах взаимодействия книжно-славянской и народно-разговорной языковых стихий с диалектами, с устной и письменной речью, позже – профессиональными и другими социальными жаргонами, иноязычными заимствованиями. Стилистической обработке языка во многом способствовало развитие письменности, а затем и печатного слова. Значительному обогащению языка способствовали также фольклор и литература. Ведущие писатели, публицисты, ученые, проповедники внесли немаловажный вклад в данный процесс. Например, неопределима роль А.С. Пушкина в упорядочении стилистических средств русского языка, в отказе от устаревших церковнославянизмов и расширении функций многих слов и пластов лексики.

В процессе своего развития литературный язык обогащался новыми стилистическими средствами, в том числе средствами словесной образности: синонимическими, антонимическими и другими языковыми ресурсами. При этом происходило преобразование его функционально-стилевой системы: формирование стилистико-речевых разновидностей (функциональных стилей), их взаимодействие, отбор средств выражения. Обогащение литературного языка

сопровождалось его функциональным расслоением, что было связано с изменениями в материальной, духовной, политической жизни общества, т.е. преобразованиями в ее социокультурной стороне. В частности, формированию научного стиля способствовало развитие науки, публицистического – появление газет, журналов и разных жанров публицистики.

Поэтому изучение проблем исторической стилистики особенно явственно показывает взаимосвязь языка и общества и роль динамики экстралингвистических факторов как основы стилевых преобразований. На стиль речи влияет и изменение стиля мышления, как это наблюдается в преобразовании образной системы средств в средневековой литературе [Колесов 1990; Николаева 2000 и др.].

Историческая стилистика – это сравнительно молодая отрасль лингвистики. В работе Г.О. Винокура 40-х гг. «О задачах истории языка» представлен сам термин «Историческая стилистика» и определены задачи ее исследования. Отталкиваясь от фундаментального тезиса о функциональной природе языка («язык есть только тогда, когда он употребляется»), Г.О. Винокур определяет основы функционального направления стилистики и связывает его с историей языка: «Перед нами новая проблема истории языка, без изучения которой история языка неполна. Она составляет содержание лингвистической дисциплины – стилистики, поскольку речь идет об истории языка, – исторической стилистики» [Винокур 1959: 222].

Функциональная стилистика как самостоятельная дисциплина формируется с конца 20-х и в 30-е гг. – прежде всего в трудах В.В. Виноградова – вместе с образованием истории литературного языка и культуры речи. В связи с этим предмет исследования исторической стилистики оказался недостаточно четко очерченным и в некоторых аспектах пересекающимся с историей русского литературного языка.

В сборнике «Историческая стилистика» (1990) авторы двух статей – известные современные лингвисты В.В. Колесов и З.К. Тарланов – неоднозначно трактуют предмет исследования названных дисциплин. Так, В.В. Колесов под историей литературного языка понимает «изучение становления и развития нормы языка» [Колесов 1990: 16], при том что историческая стилистика «изучает средства речевой выразительности, в своей совокупности организующие стиль (стили)», или – иначе «становление и развитие стилистических средств языка» [Колесов 1990: 18]. З.К. Тарланов понятие исторической стилистики трактует широко, в ряде случаев объединяя проблемы стилистики и истории литературного языка. С одной стороны, он замечает, что «стилистический анализ не исчерпывается изучением стилистически маркированных средств» [Тарланов 1990: 14] и что нельзя сводить историю литературного языка к

истории стилей, с другой – он относит к исторической стилистике многие традиционные аспекты истории литературного языка, например исследование языка древнерусских памятников, «описание территориальных вариантов церковнославянского и чисто русского языков» и др. Ранее (в 50—60-е гг.) В.В. Виноградов разграничивал понятия стилей языка и стилей речи и считал неправомерным употребление термина-понятия «стиль» применительно к донациональному периоду русского литературного языка, предлагая пользоваться термином «тип речи».

Согласно наиболее общепринятой точке зрения, историческая стилистика и история литературного языка различаются как особые дисциплины. Если история литературного языка изучает пути развития нормы как одного из существенных признаков литературности языка, то историческая стилистика изучает становление и развитие стилистических средств языка и закономерности функционирования языка в различных сферах общения – в функциональных стилях и иных речевых разновидностях.

Контрольные вопросы

1. Назовите два аспекта исследований исторической стилистики.
2. Почему стиль – это категория историческая?
3. Какие факторы влияли на формирование функциональных стилей русского языка?
4. Как влияют экстралингвистические факторы на стилевые преобразования? Приведите примеры.
5. Когда сформировалась историческая стилистика как самостоятельный раздел лингвистики?
6. Выделите общие и отличительные черты исторической стилистики и истории русского литературного языка.

2. ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

2.1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ СТИЛЕЙ

Стиль – понятие историческое. В процессе развития литературного языка его стилевые разновидности претерпевают изменения. В русском языке понятие стиль – «штиль» – появляется в XVII в. В учении М.В. Ломоносова о «трех штилях» – двух полярных и среднем между ними – система стилей приобретает строгий и законченный вид. Она просуществовала до пушкинской эпохи, хотя

отступления от данной теории наблюдались в литературной практике и самого Ломоносова, и особенно писателей 2-й пол. XVIII – нач. XIX вв.

Ломоносовское понятие стиля имело не столько функциональный, сколько экспрессивно-жанровый характер. Стили, закрепленные за определенными литературными жанрами, различались ориентацией на языковые единицы (лексику, грамматические формы) той или иной стилистической окраски (торжественной, нейтральной т.д.). Становление системы функциональных стилей происходит позже, в конце XVIII – нач. XIX вв. Постепенно формируются закономерности использования языковых единиц в зависимости от целей общения в той или иной функциональной сфере: научной, официально-деловой, художественной и др. Таким образом, вместо стиля в традиционном его понимании, т.е. стиля, единого по составу средств (с общей стилистической окраской), формируется стиль с разнообразным составом средств, но единый по семантико-функциональным признакам языковых единиц, выполняющих единое коммуникативное задание в соответствующей сфере общения.

На формирование и развитие функционального стиля оказывает влияние комплекс экстралингвистических стилеобразующих факторов: функции языка (по В.В.Виноградову, функции общения, сообщения, воздействия); вид деятельности, соотносительный с формой общественного сознания (наука, политика, право, искусство); тип содержания, характерный для соответствующей сферы коммуникации и др. Все это и определяет типовые задачи общения и порождает социальный заказ на тот или иной функциональный стиль.

Например, формирование научного стиля связано с развитием самой науки, теоретического мышления. В России наука как новая, особая форма общественного сознания начала формироваться в конце XVII столетия. С ориентацией на средний «штиль» Ломоносова создается научная терминология, складываются лексико-грамматические особенности языка науки. Однако собственно научный стиль, специфическими чертами которого являются обобщенность и подчеркнутая логичность, формируется лишь в процессе развития рассуждения как функционально-смыслового типа речи. Усложнение мысли, стремление к научному обоснованию гипотез приводит во 2-ой половине XVIII в. (период интенсивного развития отечественной науки) к формированию научного изложения, для которого характерна демонстрация не только результатов исследования, но и хода рассуждения автора.

Каждый функциональный стиль имеет предысторию, связанную с различными типами литературного языка донационального периода. Официально-деловой и художественный стили уходят корнями в памятники Древней Руси. Например, уже в «Русской правде», как памятнике делового типа

древнерусского литературного языка, отмечаются приметы именно делового текста – директивность изложения, однозначность (терминологически точная лексика), специфический синтаксис (условные конструкции). Многие черты публицистического стиля представлены в произведениях XVI в. Так, в «Посланиях» Ивана Грозного отмечаются специальные приемы создания экспрессивности: столкновение высоких, старославянских элементов с обиходно-разговорными, подчеркнутое выражение в тексте авторской позиции, острая социальная оценочность и др. Однако функциональными стилями эти разновидности речи становятся лишь в национальный период, поскольку стили выделяются в пределах единого литературного языка, который образуется в процессе формирования русской нации.

Система функциональных стилей (научный, официально-деловой, публицистический, художественный, разговорный) сложилась в русском литературном языке к сер. XIX в. В дальнейшем своем развитии стили получают более яркое и последовательное выражение, что проявляется в функционально-семантическом и структурном обогащении, а также количественном расширении комплекса единиц, репрезентирующих стилевые черты.

В наше время меньшим изменениям подвержены научный и официально-деловой стили и наиболее значительным – публицистический. Действующая тенденция к демократизации литературного языка выражается в научной сфере в более свободном проявлении личности автора, например, более широком, чем ранее, использовании личных местоимений и форм глаголов 1-го лица ед. ч. В деловых текстах некоторых жанров, например предвыборных программах, обнаруживается стремление к выражению простым и внятным языком. Общественно-политические изменения отражаются в первую очередь на языке публицистики.

Чрезвычайно разнообразны в современном русском языке средства реализации основных черт публицистического стиля – экспрессии, социальной оценочности, установки на новизну выражения. Многочисленный слой новообразований в лексике образуют заимствования (*брифинг, дайджест, эксклюзив*), экспрессивными элементами текста являются словообразовательные неологизмы (*думцы, официоз, демроссы*). В связи с демократизацией языка СМИ происходит распространение в этой сфере разговорно-просторечных и жаргонных слов и выражений (*чернуха, беспредел, тусовка, крутой, наезд, халыва*). Высокая лексика сейчас появляется в СМИ реже, чем в предыдущие периоды. Она концентрируется в статьях на религиозные темы («*возрождение церковной святости*»). Активизировалось использование устаревшей лексики с целью выражения иронии (*выгодная стезя, нервическая атмосфера*). Многие из

оценочных слов официальной публицистики советского времени также употребляются в наше время с иронией.

С другой стороны, активное функционирование в современных публицистических текстах разновидностей рассуждения отвечает и задаче реализации традиционной коммуникативной функции публицистики – убеждения.

Контрольные вопросы

1. Когда в русском языке появилось понятие «стиль»?
2. В чем специфика ломоносовского понимания стиля? Чем оно отличается от современного подхода?
3. В какое время начинает формироваться система функциональных стилей?
4. Какова предыстория функциональных стилей русского языка?
5. Назовите функциональные стили современного русского языка.

2.2. КОМПОНЕНТЫ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СПЕКТР СТИЛЕЙ

Исходным понятием исторической стилистики, по словам В.В. Колесова, является следующее: «стиль – исторически образовавшееся усложнение системы языка на основе функционально оправданного использования вненормативных вариантов (в средневековом языке – «архаичных», отработанных системой, в современном – «вульгарных», только что возникших в языке; потому что язык культуры в поисках выразительных средств ориентирован на прошлое – в прошлом, и на будущее – в настоящем)» [Колесов 1990: 19-20].

Согласно мнению ученого, весь спектр стилей, возможный на любом этапе развития литературного языка, всегда укладывался в трехчастную схему, отражающую различные сферы общения и вытекающую из принципиальных установок самой системы языка: логичность – образность – эмоциональность как три компонента языкового знака в процессе развития языковой культуры, которые дифференцируются, последовательно актуализируясь сначала на уровне текста, затем жанра, теперь – стиля. В современной классификации: научный – художественный – бытовой с промежуточными между ними (официально-деловой и публицистический) [Колесов 1990: 21].

Уже в древности в литературном языке отмечались отличия в разных в коммуникативном отношении текстах, каждый с различием по языку и по жанру. С самого начала трехчастность функционально-жанрово-стилевых рядов осознавалась и сохранялась в традиционных для средневековой литературы

формулах. При этом основные новации появлялись в текстах «среднего жанра», в котором работали все выдающиеся художники слова эпохи средневековья – в повествовательном «житии».

Стиль создается на контрастах, которые постоянно организуются в оригинальных текстах, как это можно видеть и на взаимоотношении между прямым и переносным значением слова в зависимости от жанра: в высоком стиле – метафора; в низком стиле – метонимия. Первая «стилевая» противоположность, возникавшая в средневековых текстах, – это противоположность между устаревающим архаизмом и остальными стилистическими ресурсами.

Основные принципы исторической стилистики были сформулированы в классической работе В.В. Виноградова «О языке художественной прозы». По мнению ученого, в исследовательской процедуре выделяется три «стилистики»: стилистика языковых единиц, стилистика текста (речи) и стилистика художественной речи.

Принципы отбора словесных средств в процессе анализа каждого текста устанавливаются такие: 1) символика – система авторских символов и способы их эстетического преобразования (эвфония, ритм, формулы, цитаты, «потенциальные слова» и т. д.) и 2) композиция (или синтактика) – принципы расположения слов, их организация в синтагме, принципы организации текста и т. д.

Историческая стилистика изучает слово, постигая текст, историческая лексикология, наоборот, изучает текст, исследуя слово. Предмет и объект зеркальным образом меняются местами в зависимости от того, что является источником и материалом как данное, а что, напротив, становится целью исследования, что следует определить, открыть, истолковать. Объектом исследования исторической лексикологии являются семантические характеристики изменяющегося в контекстах слова, материалом же становится древнерусский текст. Совсем иное в исторической стилистике: здесь переменной является не текст, а слово.

Контрольные вопросы

1. Как В.В. Колесов представляет трехчастную схему, определяющую весь спектр стилей?
2. Для каких жанров были характерны метафора и метонимия?
3. Назовите основные принципы исторической стилистики, выделенные В.В. Виноградовым в работе «О языке художественной прозы».

2.3. ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

К стилистически окрашенным относятся такие лексические единицы, способность которых вызывать вне контекста особое стилистическое впечатление обусловлена тем, что они заключают в себе не только предметно-логическую (сведения об обозначаемом предмете) и грамматическую, но и какую-либо дополнительную (непредметную) информацию.

Необходимо различать две самостоятельных задачи исследования стилистически окрашенной лексики. Одна из них – задача выявления потенциальных стилистических возможностей лексических единиц с целью их стилистической квалификации и последующей стилистической дифференциации лексики. Вторая – задача изучения условий реализации этих потенциальных стилистических возможностей, условий применения стилистически окрашенных фактов языка в речи.

В задачу исследования стилистически окрашенной лексики входит, в частности, выявление зависимости между разными типами и видами стилистической и семантической информации, так как в конкретных случаях трудно определить без специального анализа, чем обусловлена способность лексической единицы вызывать стилистическое впечатление – дополнительной информацией, которую она в себе заключает, или особенностями ее предметного содержания.

Проблема стилистической квалификации лексики имеет прямую и непосредственную связь с проблемой языковой нормы – комплексом правил, регламентирующих словоупотребление. Констатировать стилистическую нейтральность или стилистическую окрашенность слова – значит определить условия его уместности и неуместности, а следовательно, установить для него языковую стилистическую норму.

Языковая стилистическая норма имеет то же назначение, что и лексическая, морфологическая, синтаксическая и т. п. Она тоже сдерживает постоянно происходящие в литературном языке изменения, консервирует его, обеспечивая связь между поколениями, преемственность культуры разных эпох. Поэтому она также должна быть относительно стабильной, что обеспечивается ее объективным характером и признанием ее общеобязательной. Вместе с тем, как и любая норма, стилистическая норма не может оставаться неизменной: по мере того как изменения в языке становятся совершившимся фактом, норма должна пересматриваться.

К признакам, на основании которых может быть установлена языковая норма, относятся: употребление тех или иных фактов языка авторитетными писателями, особенно писателями прошлого, длительность их существования,

распространенность, соответствие внутренним закономерностям языка, тенденциям его развития, наличие в литературном языке аналогичных фактов.

Контрольные вопросы

1. Какие языковые единицы относятся к стилистически окрашенным?
2. Назовите две задачи исследования стилистически окрашенной лексики.
3. Каковы функции языковых стилистических норм?
4. На основании каких признаков формируется языковая норма?

2.4. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОМИНАЦИИ СЛОВОМ КАК ЕДИНИЦЕЙ РЕЧИ

Сложность и многогранность смыслового содержания слова определяют универсальный характер словесного знака и его полифункциональность. В слове, в частности, различают **функции**: номинативную (называния или наименования), сигнификативную (обобщения), коммуникативную (общения), прагматическую – в том числе и стилистическую (экспрессивного выражения и эмоционального воздействия).

Каждая из них может оказаться ведущей для определенных типов словесных знаков. Так, номинативная и сигнификативная функции представляют по своему содержанию две стороны одного и того же явления знаковой репрезентации слова как дискретной единицы языковой системы и характерны, прежде всего, для номинативных словесных знаков. Стилистическая функция, наряду с номинативной и сигнификативной, присуща стилистически маркированной лексике, имеющейся в словарном составе любого языка. К стилистически окрашенным лексическим единицам относятся такие формы, в значении которых наряду с лексическим представлено также эмоционально-оценочное или экспрессивно-образное значение. Собственно коммуникативная и прагматическая функции выступают как ведущие у словесных знаков в процессе речевого общения.

В соответствии с разграничением понятий «язык» и «речь» как двух сторон единого явления, изучаемого в рамках единой науки, различается явление номинации в слове как единице языковой системы и в слове как единице речи с установлением между ними возможных корреляций.

Уникальным свойством естественного человеческого языка является его способность двукратной репрезентации, двукратного (двойного) означивания объектов окружающей действительности (в языковой системе и речи). Именно это свойство представляет основу его способности формировать бесконечное

множество высказываний, интерпретировать любую деятельность человека, включая широкую область эмоциональных переживаний, рациональных оценок и чувственно-образных представлений объектов реального мира. «Несомненно, – писал Л.В. Щерба, – при говорении мы часто употребляем формы, которые никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное, сочетаем слова, хотя и по определенным законам их сочетания, по зачастую самым неожиданным образом...» [Щерба 1974: 24].

Контрольные вопросы

1. В чем заключается полифункциональность словесного знака?
2. Что является показателем стилистической окраски лексических единиц?
3. Как проявляется взаимодействие языка и речи?

3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

3.1. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ФАКТОР СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

Детально проблемы словообразования в их связи со стилистикой были разработаны в монографии Г.А. Николаева «Русское историческое словообразование: теоретические проблемы» [Николаев 1987]. Выводы этой монографии используются в данном научном пособии.

Историческая стилистика занимается проблемами разграничения, соотношения, взаимосвязи и взаимодействия славяно-книжной и народно-разговорной стихий русского литературного языка на всем протяжении его истории. В процессе взаимодействия этих двух языковых стихий формировалось стилистическое богатство древнерусского литературного языка. Участие славяно-книжных и народно-разговорных элементов в формировании стилистической системы древнерусского языка не проходило как их механическое наложение в каждом из стилей, а отражало процессы их взаимодействия. Так, в сфере книжных жанров, наряду с жанрами высокого слога (словами, поучениями, проповедями, служебными минеями и т. п.), встречаются повествовательные жанры, включающие в текст как описание высоких деяний святых, так и чисто бытовые элементы (евангелия, жития святых, прологи, патерики и т. п.). Деловая письменность тоже не была едина в жанровом отношении (Русская Правда, церковные уставы, акты и др.), так что в жанрово-стилистической системе русского письменного языка отмечались как

полярные явления, так и определенные схождения языкового и неязыкового планов.

Все древнерусские письменные памятники, в зависимости от их жанрово-стилистических особенностей, принадлежности их к той или другой стилистической разновидности русского литературного языка, можно, с известной долей условности, разделить на две группы: **одностильные** (книжные или некнижные, например, деловые) и **разностильные** (закрывающие в себе произведения разных жанрово-стилистических групп). К одностильным произведениям книжного характера нужно отнести евангелия, минеи, слова и т. п. (с учетом их различий, о которых речь шла выше: взятые вместе, они отражают разные возможности славяно-книжной разновидности языка; каждое из них, взятое отдельно, выдержано в едином стиле, не допускает разностильных языковых элементов). К одностильным произведениям делового жанра относится, например, «Русская Правда».

Наиболее известными разностильными памятниками древнерусского языка являются летописи, в состав которых входили произведения самых разных жанрово-стилистических характеристик. Именно изучение языка летописей как памятников, объединяющих в себе произведения разных жанрово-стилистических направлений, причем памятников, дающих возможность проследить развитие языковых особенностей на основе разновременных списков, внесет большой вклад в создание исторической стилистики русского языка [Николаев 1987: 110].

Словообразование является одним из важнейших факторов стилистической организации текста. В.М. Марков писал, что «наличие определенного круга суффиксальных существительных является одним из наиболее ярких проявлений специфики жанра» [Марков 2001: 109]. Формирование отдельных словообразовательных категорий часто связано с определенной стилистической сферой. Так, имена существительные с суффиксами *-тель*, *-ость*, *-ство*, *-(е)ние*, *-ствие*, связанные с книжными жанрами, противопоставлены образованиям нулевой суффиксации, прилагательным именам на *-ьк(а)*, именам на *-щикъ* и др. как образованиям общеязыковым или составляющим принадлежность деловой письменности.

Рассматривая словообразование в историко-стилистическом аспекте, прежде всего необходимо отметить, что для жанрово-стилистической специфики текста большое значение имеет наличие и соотношение в нем производных и непроизводных (с точки зрения определенного периода) языковых единиц. Язык художественных произведений отличается от языка как книжных, так и деловых памятников. Производные слова объективно мотивированы в языке, независимо от того, в каком типе речи они используются. Эта языковая мотивированность

слова приходит в противоречие с поэтическими задачами художественного текста, с законами поэтического языка: во-первых, это внетекстовая мотивированность, а в художественном произведении мотивированность должна быть еще и текстовой; во-вторых, это межсловная мотивированность (морфологическая), в то время как основной прием мотивированности слова в художественном тексте — «внутрисловная» мотивация (семантическая), т. е. метафора, метонимия [Николаев 1987: 112]. Таким образом, словообразовательно мотивированные слова создают известные трудности для древнего писателя, потому он охотнее использует в своем творчестве слова непрямые (морфологически), отличавшиеся в древнерусском языке семантическим синкретизмом.

Еще большую жанрово-стилистическую нагрузку несет наличие и соотношение в тексте стилистически маркированных и немаркированных (общеязыковых, нейтральных) словообразовательных форм. Выше отмечаются наиболее яркие стилистически маркированные словообразовательные типы, свойственные произведениям книжных и деловых жанров. Что касается стилистически нейтральных типов словообразования, то к ним относятся имена на *-ьникъ*, *-ьба*, образования нулевой суффиксации. Нейтральность их исконна и нередко вызвана теми задачами, которые стояли перед ними в древнейшие периоды истории языка. Будучи стилистически нейтральными, образования с суффиксами *-ьникъ* и *-ьць* встречаются в самых разных жанрах древнерусской письменности. При этом значительное число нейтральных имен встречалось в разных жанрах, однако в каждом жанре было немало и таких образований, которые не отмечены в других жанрах.

Так, образования нулевой суффиксации, которые показательны для характеристики жанровых особенностей памятников, в отличие от имен, несущих большую стилистическую нагрузку (например, имен на *-(е)ние* или *-ька*), характеризуются нейтральностью и встречаются в произведениях самых различных жанров, в том числе и произведениях книжных стилей (минеи, евангелия и др.). Однако в последних они не составляют заметного большинства, по сравнению с другими образованиями, как это отмечается в памятниках, отражающих народно-разговорное начало русского литературного языка.

В произведениях разных жанров образования нулевой суффиксации отличаются не только в количественном отношении, но и в семантическом плане. В памятниках книжных стилей это в основном имена отвлеченные, связанные с догматами христианской религии (чаще бесприставочные): *вера*, *хвала*, *мера*, *гневъ*, *грехъ*, *утеха*, *слава* и т. п. В деловых документах эти слова почти не встречаются, зато в них имеется свой круг образований, отражающих

жизнь русского народа: *перевесь, закладъ, заимъ, выгонъ, порубъ* и многие другие.

Наконец, третье, что является существенным для жанрово-стилистической специфики текста, это наличие и соотношение стилистически маркированных производных слов в тексте. Среди стилистически маркированных словообразовательных форм наибольший интерес представляют те, которые связаны с развитием славяно-книжной стихии. Это образования с суффиксами *-тель, -ость, -ьство, -ьствие, -(е)ние* и др.

В процессе взаимодействия стилистических разновидностей литературно-письменного языка участвовали и образования, связанные с народно-разговорной стихией, Это в первую очередь имена с суффиксами *-ька* (в значении действия) и *-ьчикъ* (в значении лица). Оба этих типа имен имели общеславянские предпосылки для возникновения и могли развиваться в древнюю пору. Суффикс *-ька* стал общеславянским формантом, хотя в русском языке образования с ним отмечаются в письменных памятниках с XIV—XV вв. Имена на *-ьчикъ* развились только в русском языке (в письменности они фиксируются с XIII века), в других восточнославянских языках они встречаются редко и распространяются под влиянием русского языка.

Контрольные вопросы

1. Как формировалось стилистическое разнообразие древнерусского литературного языка?
2. На какие группы делятся древнерусские письменные памятники в зависимости от их жанрово-стилистических особенностей?
3. Почему словообразование играет важную роль в стилистической организации древнерусского текста?
4. Назовите основные факторы, важные для жанрово-стилистической характеристики текста.

3.2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Словообразовательные процессы, главным назначением которых является образование новых лексических единиц (словопроизводство), разветвляются на основании устойчивых языковых отношений, складывающихся между группами слов, из которых одни находятся в деривационной зависимости от других, и осуществляются при помощи

языковых средств. В своей сущности это языковые процессы, хотя подготавливаются они экстралингвистическими факторами.

Словообразовательные процессы (как процессы мгновенные, «взрывные») нельзя наблюдать, нельзя точно сказать, где, когда и кем образовано то или иное слово (за исключением, может быть, некоторых случаев окказионального словообразования и детского словотворчества).

Моментальность и автоматизм словообразовательных процессов объясняются тем, что они осуществляются по существующим в языке словообразовательным моделям, которые опираются на определенную словообразовательную базу и словообразовательное средство, морфонологически приспособленные друг к другу, способные оформить определенное языковое значение.

Если образование новых слов в языке (словопроизводство) представляет собой мгновенный словообразовательный процесс (акт), то возникновение новых словообразовательных моделей в языке относится к числу длительных, эволюционных процессов, протекающих в словообразовательной системе языка, и связано со сменой словообразовательных отношений [Николаев 1987: 24].

Словообразовательные отношения – это отношения деривационной зависимости между группами слов (или между двумя словами), являющиеся результатом словообразовательных процессов и, в свою очередь, служащие образцом для новых процессов словопроизводства. Словообразовательные процессы и отношения тесно связаны друг с другом, хотя и противопоставлены в определенной мере как явления динамики языка (процессы) и языковой статики (отношения). Словообразовательные отношения составляют одну из главных проблем исторической дериватологии, так как они (как и все в словообразовательной системе) подвержены изменениям и могут быть изучены в аспекте развития в их взаимосвязи и взаимодействии со словообразовательными процессами.

Изменение словообразовательных отношений широко представлено в истории русской словообразовательной системы. Если обратиться к истории русского словообразования, то можно смело утверждать, что почти каждый словообразовательный тип полностью (или в определенной части составляющих его образований) отражает сдвиги в словообразовательных отношениях. Например, произошла смена словообразовательных отношений в именах на *-(e)ние* и *-тие*. По общему мнению, первоначальной их производящей базой были страдательные причастия с суффиксами *-(e)н-* и *-т-*, которые осложнялись широко продуктивным аффиксом *-ие*.

По мере формирования и упрочения категории страдательных причастий возникло семантическое несоответствие производных слов на *-(eн)ие*, *-(т)ие* как

имен действия и их производящих с семантикой пассива. Это привело к смене словообразовательных отношений и установлению соотнесенности этих имен непосредственно с инфинитивом. В.М. Марков считает, что «здесь мы имеем дело не с изолированным фактом, характеризующим лишь нужную нам категорию слов, но с широко отраженной тенденцией в формировании норм старославянского литературного слога. Именно инфинитив как наиболее удобная в своей неизменяемости и обобщенно-глагольном значении морфологическая база был использован в активном словотворчестве древнеславянских писателей и переводчиков» [Марков 2001: 99].

Отмеченное семантическое противоречие устранялось формированием приглагольной соотнесенности имен на *-(e)ние* и *-тие*, что было, безусловно, связано с развитием глагольно-именных словообразовательных отношений в русском языке в сторону возрастающей активности глагола в системе языка.

В истории русского словообразования развивается тенденция переключения словообразовательных отношений с неисходных (или косвенных) форм слов, выступавших в качестве производящей базы, на исходные. Это произошло и в именах на *-(e)ние* и *-тие*, а позднее и в отпричастных образованиях на *-ость* типа *успеваемость*, *нуждаемость*, *обращаемость*, *сопротивляемость* и т. п., соотносящихся в современном русском языке с инфинитивом глаголов. По этой же причине устраняются предложно-падежные формы как активная производящая база для имен типа *заречье*, *побережье*, *подземелье*, *бездорожье*, *подоконник* и т. п. в процессе формирования в русском языке конфиксального способа словопроизводства.

С возрастающей активностью глагола в системе русского языка связана смена словообразовательных отношений в именах со значением отвлеченного действия, исторически соотносившихся с глаголами совершенного вида. Возникшее здесь семантическое противоречие между именем, которое обозначает действие, и производящим глаголом, который как глагол совершенного вида обозначает законченное действие разрешалось двумя путями: 1) установлением соотнесенности имен этого типа с глаголами несовершенного вида: *наслаждение* – *наслаждаться*, *движение* – *двигать(ся)*, *наступление* – *наступать*, *впадение* – *впадать*, *увольнение* – *увольнять* и др.; 2) установлением соотнесенности с глаголами несовершенного вида как дополнительной при сохранении первичных словообразовательных отношений с глаголом совершенного вида: например, *воспитывать* – *воспитание* в словосочетании «воспитание мужества» и *воспитать* – *воспитание* в словосочетании «получил хорошее воспитание» и т. п.

Изменения словообразовательных отношений наблюдаются и в истории имен с суффиксом *-тель* в русском языке. В.М. Марков аргументированно

доказал, что суффикс *-тель* в славянских языках является контаминацией двух именных суффиксов (*-т-* и *-ел-*), имевшей место в ходе взаимодействия этих суффиксальных образований и дальнейшего вовлечения новообразований в сферу приглагольной соотнесенности. Таким образом, имена на *-тель* тоже прошли путь от приименных образований к приглагольным.

Выделение самостоятельного суффиксального форманта *-итель* (в словах типа *гонитель, смотритель, спаситель* и т. п.) произошло в результате причины более частного характера, а именно, в результате утраты производящих глаголов (*гонити, смотрити, спасити* и др.) и смены соотнесенности и членимости (*гонити — гонитель, но гнать — гон-итель*). Кроме того, в именах на *-тель*, как и в образованиях на *-(е)ние*, в связи с развитием видовых значений в производящих глаголах происходит или смена мотивирующей базы, или расширение ее за счет дополнительной соотнесенности с глаголом несовершенного вида: *потребитель — потреблять* (смена мотивирующего: прежде было *потребитель — потребить*), *воспитатель — воспитать и воспитывать* (расширение мотивации) и т. п. В этом же словообразовательном типе наблюдается взаимодействие семантического и морфемного словообразования, результатом которого явились имена орудийного значения с суффиксом *-тель* (*выключатель, проигрыватель* и т. п.). Эти процессы привели не к смене словообразовательных отношений, а к формированию омонимичных словообразовательных типов с омонимичными словообразовательными отношениями.

Контрольные вопросы

1. Какова специфика словообразовательных процессов в истории русского языка?
2. В чем заключается связь словообразовательных процессов и словообразовательных отношений?
3. Приведите примеры изменения словообразовательных отношений в истории русской словообразовательной системы.
4. Как появляются новые суффиксы в языке?

3.3. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БАЗА И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Словообразовательная база представляет организованную совокупность языковых единиц, которые используются в качестве первичных (базовых) форм для получения в процессе деривации вторичных (производных) языковых единиц. Она едина и однородна для разных способов словопроизводства и в

этом смысле имеет межспособный статус. Как морфемное, так и семантическое словопроизводство осуществляется на базе отдельного слова (в его исходной или косвенной форме) или словосочетания. Неисходные формы слов (в том числе предложно-падежные формы), которые нередко использовались в истории русского языка в качестве производящих основ, представляли промежуточную словообразовательную базу, а потому вытеснялись исходными формами [Николаев 1987: 29-30].

Другим фактором, обеспечивающим процесс образования слов, является **словообразовательное средство**. Если словообразовательная база выполняет в системе словообразования в основном интегрирующую функцию (она едина для всех способов словопроизводства), то словообразовательное средство – дифференцирующую функцию: на основании того, какое средство используется в процессе словопроизводства, все способы делятся на два типа: морфемные и семантические, а внутри каждого из них выделяются более частные способы образования слов [Николаев 1987: 36]. Словообразовательной базе тоже свойственны определенные дифференцирующие функции (деление процессов на симпликацию и композицию), а средству – интегрирующее (например, объединение всех морфемных способов в один морфологический), тем не менее в сфере словообразовательной базы объединяющее начало превалирует над дифференцирующим, а в сфере словообразовательного средства – наоборот. В любом случае словообразовательная база и словообразовательное средство представляют собой определенное единство двух факторов, взаимодействующих в рамках словообразовательных процессов.

Словообразовательным средством морфемного словопроизводства являются морфемы, семантическое словообразование осуществляется безморфемным путем.

Контрольные вопросы

1. Дайте характеристику словообразовательной базы. Объясните, почему она имеет межспособный статус.
2. Какие функции выполняет словообразовательное средство в процессе образования новых слов?
3. Какова роль словообразовательной базы и словообразовательного средства в словообразовательных процессах?

3.4. ФОРМИРОВАНИЕ НУЛЕВОЙ СУФФИКСАЦИИ И КОНФИКСАЦИИ

Формирование нулевой суффиксации. В связи с противопоставлением морфологического и семантического словообразования как морфемного и безморфемного встает вопрос о специфике образования слов типа *подход* от *подходить*, *возврат* от *возвратить*, *перелом* от *переломить*, *визг* от *визжать* и т. п. Нулевые словообразовательные средства, способ нулевой суффиксации не были искони присущи системе славянского словообразования. Слова указанного типа формировались посредством тематических суффиксов *ī, *ō, *ŭ, *ā, а потому имели в своей структуре корневую, суффиксальную и флективную морфемы: *бегъ* (*beg-o-s), *ходъ* (*chod-o-s), *сынъ* (*sun-u-s) и т. д.

Большое значение для дальнейшей судьбы этих имен имело установление ими отношений с глаголами, которые могли быть образованы от общих атематических слов-корней, характеризовавшихся диффузными (глагольными и именными) значениями. Первоначально имя и глагол возникли параллельно друг другу и независимо друг от друга. В дальнейшем было возможным производство имен рассматриваемого типа от глаголов и глаголов от данных имен.

Имена нулевой суффиксации в плане их генетического отношения к однокоренным глаголам можно объединить в три группы: 1) образованные независимо от глаголов и параллельно им от одного древнего корневого слова (*бред*, *гром*, *звон* и т. п.); 2) образованные от глаголов (*проход*, *укол*, *загон* и т. п.); 3) имена, послужившие производящей базой для глаголов (*ход*, *суд*, *лов*, *клад* и др.). Исторически все эти слова были производными, образованными путем положительной суффиксации. Утрата этими именами древних суффиксов связана с различными фонетическими и морфологическими процессами, имевшими общеязыковой характер (отпадение конечных согласных, монофтонгизация дифтонгов, выравнивание основ внутри парадигм и др.). Сохранившаяся производность между словами, одно из которых было образовано морфемным путем от другого, а в дальнейшем утратило материальные показатели этой производности, должна была быть выражена при помощи морфемы. Таким выразителем производности стала нулевая морфема, являющаяся результатом действия системных отношений в словообразовании, аналогично тому как в формообразовании в соответствующих случаях выступало нулевое окончание [Николаев 1987: 40].

Дальнейшая судьба рассматриваемых имен связана с изменением их отношений к однокоренным глаголам: большинство имен этого типа были переосмыслены как девербативы (независимо от их реального происхождения). Установившиеся отношения начинают активно использоваться в словотворчестве.

Развитие зависимости образований нулевой суффиксации от глаголов связано с рядом моментов: 1) с развитием глагольно-именных словообразовательных отношений в сторону усиления глагольности; 2) с сохранением в семантике отглагольных имен, утративших древние производящие, девербативного значения, которое поддерживается теперь производным от данного имени глаголом, часто синонимичным утраченному; 3) с развитием в этих именах отвлеченного значения действия или состояния; 4) с отсутствием материально выраженного элемента, который закрепил их место в словообразовательной цепи и др. Отмеченные процессы развертывались как в «бесприставочных» именах типа *ход*, так и в «приставочных» образованиях типа *подход*.

Словообразовательные процессы проходили по моделям нового свойства: это были первые модели, по которым новые слова образовывались при помощи нулевого суффикса и с обязательным усечением производящей основы. Есть все основания полагать, что это были первые модели «чистого» усечения в русском словопроизводстве, которые стали образцом для словообразовательных процессов нового типа – с усечением производящих основ (заместительным и незаместительным).

Развитие образований нулевой суффиксации наблюдается в системе как глагольно-именного, так и субстантивно-адъективного словопроизводства. При этом отмечается некоторая специфика данного процесса в сфере субстантивно-адъективных отношений. Здесь, как и в глагольно-именной сфере, могли развиваться обратные отношения типа *вольный*→*воля*, *темный*→*тьма* и т. д. Но это мало характерно для системы субстантивно-адъективных отношений. Чаще здесь встречается другой путь становления типа образований нулевой суффиксации, связанный с дифференциацией имени на субстантив и адъектив. Так, если раньше слова типа *зъдань* и *зъдань* находились в парадигматических отношениях на основе их зависимости от глагола *зъдати*, то позднее закрепляются отношения *зъдань* → *зъдань* как результат дифференциации имени и семантического подчинения существительного со значением признака (или предмета по признаку) прилагательному, в котором это значение (признака) было категориальным.

Подобные процессы проходили и в случаях типа *студень*, *студена*, *студено*, *студень*; *сухь*, *суха*, *сухо*, *суша*; *твърдъ*, *твърда*, *твърдо*, *твърдь*; а также *пьянь*, *пьяна*, *пьяно*, *пьянь*; *ясьнь*, *ясьна*, *ясьно*, *ясьнь* и др. Исторически – это имена недифференцированного субстантивно-адъективного значения, которые могли становиться синонимами, оформленными при помощи разных основообразующих суффиксов. Не исключено, что категория рода имени прилагательного формировалась на основе этих разноосновных синонимов или

семантически сближенных слов. В ходе дифференциации имени одни из приведенных форм переходили в разряд имен прилагательных, другие – в разряд имен существительных. Как правило, эти существительные попали в словообразовательную зависимость от прилагательных (*сухой*→*сушь*, *тихий*→*тишь* и т. п.) и выделили в своей структуре нулевой суффикс. В отличие от приглагольной нулевой суффиксации здесь не происходит усечения производящей основы, что объясняется древней генетической общностью существительных и прилагательных.

Формирование конфиксации. Конфиксальный способ словопроизводства тоже не был искони присущ русской словообразовательной системе. Его формирование было вызвано разными причинами и среди них: 1) изменение словообразовательных отношений в определенных суффиксальных и префиксальных словообразовательных типах в связи с развитием глагольно-именных и субстантивно-адъективных отношений в русском языке; 2) переориентация словообразовательных единиц, возникших на базе неисходных (в частности – предложно-падежных) форм слова, на исходные (основные) формы в качестве активной словообразовательной базы; 3) калькирование иноязычных производных образований и др. [Николаев 1987: 43].

Становление конфиксальных словообразовательных типов в русском языке проходило разными путями. Одним из основных путей становления конфиксации был путь формирования ее на базе суффиксации предложно-падежных форм (ППФ) или вторичной суффиксации слов, соотносительных с ППФ. Таковы, например, образования типа *безгневие*, *бездушие*, *безумие* и т. п., возникшие на базе ППФ типа *безъ гнева*, *безъ души* или образований типа *безумь*, *беспута*, *бесстудь* и т. п. Возможно было взаимодействие этого собственно русского пути образования данных слов и калькирования с древнегреческого, которое рано слилось с первым способом. В дальнейшем, в связи с устранением сочетаний *безъ гнева* и под. как активной словообразовательной базы, а также исчезновением из языка слов типа *безумь*, *бесплода* и т. п., образования типа *безумие* устанавливаются соотносительность с прилагательными на *без...ный* (*безумный*), возникшими тоже на базе тех же слов, что и рассматриваемые. Эта связь закрепились в качестве одной из возможных для имен на *без...ие*, сохраняя последние как суффиксальные структуры.

В связи с общей демотивацией и декорреляцией имен существительных с прилагательными на *-ный*, вызванными спецификой значения этих прилагательных (значения отношения), существительные *безумие*, *бездушие* и т. п. начинают соотноситься непосредственно с существительными *ум*, *душа* и составляют на этом основании конфиксальный словообразовательный тип: *ум* → *без-ум-ие*, *душа* → *без-душ-ие* и т. д. Сходные процессы протекали и в других

образованиях, представляющих результат суффиксального осложнения предложно-падежных форм или уже возникших на их базе дериватов: *под снегом* → *подснеж-ный* → *подснежн-ик*, в дальнейшем: *снег* → *под-снеж-ник* и т. п.

Контрольные вопросы

1. Как проходило формирование нулевой суффиксации в истории русского языка?
2. Почему образования нулевой суффиксации развивали зависимость от глаголов?
3. В чем специфика нулевой суффиксации в сфере субстантивно-адекативного словопроизводства?
4. Назовите пути и причины возникновения конфиксации как особого морфологического способа словопроизводства.

3.5. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ, АНТОНИМИЯ, ОМОНИМИЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА

Специфику словообразовательной синонимии, омонимии и антонимии определяет заключенное в них единство лексического и словообразовательного: как явления словообразования синонимия, омонимия и антонимия создаются словообразовательными средствами языка и имеют типовой характер, представляя синонимию, омонимию и антонимию словообразовательных типов. В то же время словообразовательная синонимия, омонимия и антонимия реализуются в словах, представляя одновременно лексическую синонимию (*лукавость – лукавство*), омонимию (*счетчик – лицо и орудие*) и антонимию (*ножка – ножница*).

Все три рассматриваемых явления изоморфны и в плане структурных особенностей: для каждого из них обязательны общность словообразующих основ и различие словообразовательных аффиксов (соответственно синоморфем, омоморфем и антоморфем). Имея сходства в плане структурном, эти явления отличаются прежде всего характером словообразовательных значений, которые связаны с этими структурами и передают синонимические, омонимические и антонимические отношения в словообразовании. Структурный изоморфизм этих трех явлений способствует сближению их в процессе взаимодействия и делает границы между ними подвижными [Николаев 1987: 78].

Параллелизм синонимии, омонимии и антонимии словообразовательных типов проявляется и в основных типах этих явлений в зависимости от характера словообразующего средства. Выделяются суффиксальная, префиксальная и

конфиксальная синонимия, омонимия и антонимия. Примеры: 1) синонимия: а) суффиксальная (*карман-ник* – *карман-щик*, *послуш-ный* – *послуш-ливый*, *мародер-ничать* – *мародер-ствовать*); б) префиксальная (*сверх-модный* – *супер-модный*, *пере-гнать* – *обо-гнать*); в) конфиксальная (*без-дорож-ье* и *без-дорож-ица*, *вы-бегать-ся* и *из-бегать-ся*); 2) омонимия: а) суффиксальная (*счет-чик* – лицо и прибор, *коров-ник* – лицо и место); б) префиксальная (*пере-читать* – заново и все книги); в) конфиксальная (*под-голос-ок* – лицо и нелицо); 3) антонимия: а) суффиксальная (*дом-ик* и *дом-ина*); б) префиксальная: (*в-бежать* – *вы-бежать*, *про-фашистский* и *анти-фашистский*); в) конфиксальная (*раз-бежать-ся* и *с-бежать-ся*) и т. п.

Словообразовательная синонимия, омонимия и антонимия взаимодействуют с «отраженной» синонимией, омонимией и антонимией, формирующимися за счет соответствующих семантических характеристик производящих основ: *влажность* и *сырость* (отраженная синонимия, возникшая за счет синонимии слов *влажный* и *сырой*), *морение дерева* и *морение насекомых* (отраженная омонимия), *вход* и *выход* (отраженная антонимия). «Отраженная» разновидность этих явлений не относится к словообразовательной, но может становиться таковой в ходе указанного взаимодействия.

Изоморфизм синонимии и антонимии словообразовательных типов идет дальше и выражается еще некоторыми характеристиками: 1) синонимия и антонимия (каждая в своей системе) могут быть **односпособными** (т. е. относиться к одному способу морфемного словопроизводства) и **разноспособными** (т. е. относиться к разным способам морфемного словопроизводства; например: суффиксально-конфиксальная синонимия типа *далек-о* и *в-далек-е* и антонимия типа *принцип-иальный* и *бес-принцип-ный* и т. п.); 2) одной из разновидностей синонимии и антонимии в словообразовании являются синонимия и антонимия производящего и производного слов, которая в ходе развития языка может переходить в синонимию и антонимию словообразовательных типов. Например: *бог* – *божество*, *спокойно* – *спокойствие*, *двухголосый* – *двухголосный* и т. п. (синонимия); *грамотный* – *безграмотный*, *вкус* – *безвкусица*, *правда* – *неправда* (антонимия).

С точки зрения казанских лингвистов, специфика словообразовательной омонимии определяется тем, что она исторически связана с взаимодействием морфологического и семантического способов словообразования и является его результатом. А поскольку взаимодействие это составляет основное содержание истории русского словообразования, вопрос о словообразовательной омонимии вырастает в одну из центральных проблем исторического словообразования.

Омонимия является результатом семантического словообразования вообще, но **словообразовательная омонимия** как омонимия словообразовательных

типов связана с развитием семантической деривации в сфере морфологического словообразования. В ходе этого взаимодействия происходит распад единого словообразовательного типа на два (или более) омонимичных, которые характеризуются одинаковыми словообразовательными связями (единством производящих основ), омонимичной словообразовательной структурой и разными словообразовательными значениями, имеющими единое генетическое основание.

Словообразовательная синонимия – это синонимия словообразовательных типов, характеризующихся тождественными словообразовательными отношениями, тождественным словообразовательным значением и нетождественными словообразовательными средствами (синоморфемами). Взгляд на словообразовательную синонимию как на процесс позволяет выделить в истории синонимических словообразовательных типов три этапа развития: 1) формирование синонимии, 2) тождество; именно на этом этапе развития синонимия может быть рассмотрена с синхронических позиций; 3) распад синонимии.

Словообразовательная синонимия как феномен системы языка, находящийся в постоянном развитии, соединяет в себе явления, неодинаковые по их устойчивости к историческим изменениям. Наиболее подвижной областью словообразовательной синонимии является та, которая непосредственно связана с реализацией типовых синонимических отношений в лексике. Сами эти отношения более стабильны в языке и меняются в основном за счет количественных показателей. Наибольшей стабильностью обладают системные признаки словообразовательной синонимии. Их устойчивость выступает регулирующим началом в протекающих изменениях. В противопоставленности этих двух характеристик (устойчивости и изменчивости) не только детализируется типология синонимических отношений, но и происходит развитие самой системы словообразовательной синонимии.

Словообразовательная антонимия – это антонимии словообразовательных типов, которые при идентичности словообразовательных связей оформляют с помощью определенных аффиксов (антоморфем) антонимические словообразовательные значения. При изучении словообразовательной антонимии встают те же исследовательские проблемы, что и при изучении синонимии и омонимии. Прежде всего, это проблема соотношения словообразовательной и лексической антонимии. Единство лексического и словообразовательного, типового и индивидуального, общего и частного создает специфику этих трех явлений языка.

Словообразовательная антонимия как явление словообразования имеет типовой характер, реализуясь в разноаффиксных антонимах, связанных с одной

общей производящей основой. Это, с одной стороны, связывает словообразовательную антонимию с определенным смысловым рядом (единство основы), а с другой – с определенными словообразовательными типами (разноаффиксность), представляя лексические антонимы как конкретную манифестацию типовой словообразовательной антонимии. Словообразовательная антонимия имеет определенные ограничения (по сравнению с синонимией и омонимией) в силу исчислимого количества словообразовательных значений, которые могут объединяться в антонимические. Как правило, это значения, связанные с пространственными или количественными характеристиками (направленность, нахождение по отношению к пространственной точке отсчета, наличие – отсутствие, малая или большая величина и т. п.). Поэтому словообразовательная антонимия чаще отмечается в сфере префиксальных и конфиксальных словообразовательных типов, чем в сфере суффиксальных.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается специфика словообразовательной синонимии, омонимии и антонимии?
2. Охарактеризуйте изоморфность приведенных явлений.
3. Как связана словообразовательная омонимия со взаимодействием морфологического и семантического способов словообразования?
4. Как исторически формируется словообразовательная синонимия?
5. Чем обусловлены ограничения словообразовательной антонимии?

4. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СТИЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

4.1. ПРИНЦИПЫ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСИКИ

Основой стилистической интерпретации языковых единиц является разграничение собственно смыслового содержания, семантики языковых единиц и сопровождающих это содержание экспрессивно-эмоционально-оценочных моментов. Именно эти моменты являются специальным предметом стилистического исследования. Так, например, хотя слова *авторизовать*, *аграрий*, *актуальный*, *ассоциироваться* и различны по значению, в стилистическом отношении они все принадлежат к «книжной» лексике.

Различие значений (как конкретно-лексических, так и категориальных, лексико-грамматических, обусловленных принадлежностью к разным частям

речи) не препятствует отождествлению с точки зрения стилистических свойств также и таких слов, как *ветрило*, *вешний*, *денница*, *мниться*, *моление* и т. п.; в стилистическом плане эти разные слова будут одинаково характеризоваться как «поэтические». Их синонимы, столь же не связанные между собой по значению, – *парус*, *весенний*, *заря*, *казаться*, *просьба* – будут стилистически нейтральными, а такие слова, как *взбучка*, *вранье*, *глазеть*, *ерундовый*, – разговорными или даже фамильярными.

Стилистические свойства слов порождаются их применением в конкретных условиях речевого общения, стилистическая дифференциация слов обусловлена речевыми границами их употребления. Это не приводит, однако, к созданию для каждой специфической сферы речевого общения особого «языкового стиля»; для этого возможные разновидности и модификации применения языка слишком многочисленны и разнообразны. Кроме того, по отношению ко всей совокупности языковых средств, употребляемых в разных областях речевого общения, число слов и выражений, получивших вследствие предпочтительного употребления в той или другой сфере речевого общения ту или другую стилистическую окраску, сравнительно невелико. В конкретных речевых произведениях, относящихся к той или иной сфере речевого общения, слова и выражения, имеющие особую стилистическую окраску, свойственную именно данной области или сфере применения речи, всегда выступают лишь как отдельные вкрапления в основную ткань речи, составляемую нормально из общеязыковых элементов «нейтрального» стиля.

Так, например, если бы для обозначения соответствующего устройства на судах в русском языке существовало только слово *ветрило*, мы не могли бы отнести его к маркированным языковым единицам, так как у него не было бы стилистической характеристики. Речевые границы его употребления были бы настолько широки, что они фактически вообще отсутствовали бы. А коль скоро речевых границ нет и нет, следовательно, определенных особенностей функционального использования, то не вырабатывается, не создается и устойчивой «языковой» положительной стилевой характеристики; такая характеристика может при этих условиях быть только отрицательной или «нулевой».

Поскольку сравнение на основе существенно общего является необходимым условием стилистической дифференциации слов, понятие «нулевой» стилистической характеристики, или «нейтрального стиля», оказывается таким, вокруг которого группируются все остальные стилистические категории. Только отпавляясь от этого центрального понятия, можно постепенно определить, на какие группы делятся слова языка по их положительной стилистической окраске.

Контрольные вопросы

1. Что является основой стилистической интерпретации языковых единиц?
2. Почему понятие «нулевая» стилистическая характеристика оказывается центральным при определении положительной стилистической окраски слов?

4.2. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Словообразовательные средства современного русского языка имеют определенную стилистическую маркированность. Средствами словообразования, как и другими языковыми средствами, писал еще Ш. Балли, можно выразить два вида стилистической окраски языковых явлений: собственно эмоциональную и социальную. Под эмоциональной окраской понимается выражение субъективной оценки: передача разной степени интенсивности, преувеличение или смягчение, позитивная, мелиоративная или негативная, уничижительная оценка. Под социальной окраской понимается способность экспрессивных фактов вызывать представление о той или иной «среде» или обстановке, обстоятельствах, где они употребляются наиболее естественно и часто: в разговорной речи, фамильярной, просторечной, арго, научной, книжной и т. п. Изучение этих двух типов стилистической окраски признается важной задачей стилистики и в настоящее время. Применительно к словообразованию это означает исследование функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной окраски словообразовательных моделей и стилистических особенностей их использования в речи.

«Яркой», или «сильной», стилистической окраской обладают те словообразовательные средства, которые противопоставлены средствам с иной стилистической окраской. Такое противопоставление может проходить на одном уровне – словообразовательном, например: *беганье – беготня, промывание – промывка, столовая – столовка, пожарный – пожарник, культработник – культурник*. Здесь одно производное слово противопоставлено другому, также производному. Стилистически окрашенные варианты часто производятся непосредственно от нейтрального, книжного или официального образования: *получить – заполучить, окно – окошко, гармонь – гармошка, специалист – спец* и др.

При стилистическом описании словообразовательных средств целесообразно взять за основу описание словообразовательных моделей одинаковой стилистической окраски в сопоставлении с синонимичными

средствами наименования другой стилистической окраски. Вопрос о синонимии в ее отношении к стилистике достаточно сложен. Общеизвестно, что в основе стилистики лежит возможность выбора того или иного способа языкового выражения для одного содержания.

Контрольные вопросы

1. Какие два вида стилистической окраски языковых единиц (по мнению Ш.Балли) можно выразить средствами словообразования?

2. Какие словообразовательные средства обладают «сильной» стилистической окраской?

4.3. КНИЖНЫЕ И РАЗГОВОРНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Стилистически значимые словообразовательные типы в современном русском языке (или модели как формальные образцы для создания новых слов) составляют две основные группы: книжные и разговорные средства. Разговорную речь характеризуют следующие особенности внеязыковой ситуации:

- 1) неподготовленность речевого акта;
- 2) непринужденность речевого акта;
- 3) непосредственное участие говорящих в речевом акте.

Ясно, что эти обстоятельства совсем не исключают ни использования терминов разных областей науки и техники, ни использования лексических элементов (в том числе и потенциальных и окказиональных слов) официально-делового и газетно-публицистического стилей при необходимости номинации соответствующей реалии.

Характеристика стилистической окраски языковой единицы как разговорной означает представление о ее естественной среде функционирования – разговорной речи. Использование подобной единицы в другой области придает соответствующему тексту оттенок «разговорности», непринужденности, неофициальности. Разговорному стилю противопоставляется книжный, который включает «общий книжный» и научный, официально-деловой и газетно-публицистический стили.

Разговорно-просторечным является сниженный, экспрессивный слой словообразовательно мотивированных слов литературного языка, которые могут быть употреблены в соответствующей ситуации любым образованным человеком. Стилистическая значимость мотивирующих основ так же включается

в характеристику словообразовательного типа, как и семантика мотивирующих. В случае неоднородной стилистической окраски мотивирующего и аффикса на стилистическую окраску слова влияет и окраска мотивирующего слова, и окраска аффикса. Обычно, если производящее слово относится к стилистически маркированным формам, то и производное сохраняет стилистическую окраску. Существуют целые гнезда слов, имеющих одну и ту же стилистическую окраску, зависящую от лексического значения основы (ср. разг. *балагур*, *балагурить*, *балагурство*; *вздор*, *вздорить*, *вздорность*, *вздорный*, *вздорщик* и под.).

В то же время целый ряд аффиксов можно назвать стилистически отмеченными – они придают слову определенную функциональную или эмоционально-экспрессивную окрашенность. Так, даже образованные от нейтральных существительных глаголы с суффиксом *-ничать* являются разговорными: *саботаж* и *саботажничать*, *садовник* и *садовничать*, *слесарь* и *слесарничать* или *оригинальный* и *оригинальничать* и др.

Образования с суффиксом *-ость* от разговорных прилагательных могут терять эту окраску разговорности. Так, соотносительные с разговорными прилагательными *ветренный*, *вертлявый* существительные *ветренность*, *вертлявость* не имеют стилистической пометы. Присоединение суффикса к нейтральному прилагательному может создать книжное существительное: *очевидный* – *очевидность*, *картинный* – *картинность*.

Для описания стилистики словообразовательных средств важны те случаи, когда акт образования нового слова одновременно привносит и тот или иной оттенок, и меняет сферу употребления. Существует и третья возможность, когда стилистически отмеченным становится слово, образованное от нейтральной основы и при помощи нейтрального аффикса, – это может быть при словообразовании в речи, когда стилистическую отмеченность и экспрессивность придает слову необычное – с точки зрения лексики – их сочетание.

Стилистическая отмеченность или нейтральность связана также с теми ономаσιологическими категориями, которые представлены в основе наименования. Так, для профессиональных терминологических наименований лиц характерно отношение к действию (*варильщик*, *наполнитель*, *бродильщик*) или к орудию действия (*автовесчик*, *автоклавщик*, *дозиметрист*). Наименования же лиц по отношению к изготовляемому предмету (*мебельщик*, *обувщик*, *бумажник*) или по отношению к различным условиям труда (*сдельщик*, *ночник*, *скоростник*, *тысячник*) более характерны для разговорной речи. В разговорной речи также часты наименования лиц по характерному действию (но не по профессиональному), а также по действию, производимому в момент речи.

Стилистически маркированные словообразовательные средства русского языка обнаруживают свою специфику и в книжной речи. Функциональные разновидности книжного стиля объединяет очень многое, прежде всего – письменная форма, отсюда – обдуманность речи, монолог как основной вид речи, общественная значимость тематики, установка на объективность изложения, отсутствие «реального» адресата речи, его общественный характер, нерелевантность ситуации и т. п. Все эти общие экстралингвистические условия функционирования стилей книжной речи приводят к значительной общности языковых средств, характерных для каждого стиля.

Например, для научного, официально-делового и публицистического стилей характерно использование отвлеченных существительных – имен действия и состояния, имен качества. Среди имен действия высоко продуктивны образования с суффиксами *-(е)ние, -тие*, как это было и в древнерусском языке.

Стили книжной речи, в особенности газетно-публицистический, так же как разговорная и художественная речь, нуждаются в выражении оценки, однако эта оценка чаще связана с интеллектуальным суждением или осуждением, а не с эмоционально-экспрессивным выражением своего отношения. Для передачи неодобрения, порицания в стилях книжной речи может использоваться значительное количество словообразовательных средств, например суффикс *-щина*, который образует существительные со значением порицаемого общественно-политического течения или социального явления: *литературищина, канцелярищина, театральщина* и др.

В художественной речи получают самостоятельное развитие и особое наполнение некоторые словообразовательные типы общелитературного языка. Художественная речь, ориентированная на характерологичность изложения, использует и социально окрашенные словообразовательные средства.

Контрольные вопросы

1. Назовите две основные группы стилистически маркированных словообразовательных типов в современном русском языке.
2. Какие факторы влияют на стилистическую маркированность производного слова?
3. Приведите примеры стилистически отмеченных аффиксов современного русского языка.
4. Как стилистическая характеристика производных слов связана с ономаσιологическими категориями, представленными в основе наименования?
5. Как в производных именах разной стилистической окраски отражается оценка?

4.4. РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В МОДЕЛИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Как известно, «в любом языке предметы и явления внешнего мира могут быть интерпретированы либо изнутри (через внутреннюю форму слова, в которой как бы просвечивает семантическая мотивированность), либо извне (через определение, синтаксическую сочетаемость, дефиниции и ассоциации)» [Вендина 1998: 8]. Словообразование открывает возможности для концептуальной интерпретации действительности, позволяя понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка. Цветовые, звуковые, вкусовые, функциональные качества и свойства предметов и явлений внешнего мира актуализируются лишь в тех объектах, которые вовлекаются в сферу познавательной и практической деятельности человека и которые представляют для него жизненную или социальную ценность. Причем не только эмоционально-экспрессивная лексика является выразителем ценностных отношений, но и стилистически нейтральная.

В словообразовательном акте так же, как и в оценочном суждении, совершается тот же процесс мыслительной операции и устанавливаются те же причинно-следственные связи между явлениями действительности, как и в любом оценочном высказывании: здесь происходит то же сопоставление и так же дается логическая квалификация и оценка явлений, подлежащих словообразовательному детерминированию, как и в предикативных конструкциях. Поскольку в словотворческом акте присутствуют предикативные отношения, то в производном имени можно выявить предикацию, которая является ядром оценочного суждения, поскольку здесь происходит соединение называющего (или оценивающего) субъекта и предиката, передается отношение говорящего к предмету, в результате чего ему приписывается тот или иной признак. Структура производного слова подобна структуре оценочного высказывания, в котором аффикс выполняет функцию оценочного предиката, единственного обязательного вербализуемого компонента оценочного семантического комплекса.

Системно-функциональный подход к фактам словообразования позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности и эксплицировать своеобразие в лексико-семантическом освоении мира – от названий отдельных растений или атмосферных явлений до социальных структур разного уровня. Взаимодействие человека с окружающим миром, в процессе которого

происходит его познание и оценка, приводит к формированию ценностного видения мира.

Словообразование дает возможность понять, какие ценности удерживает сознание. Оно эксплицирует свойства и качества денотатов, их связи и отношения, функциональную нагрузку, а главное – их значимость для носителей языка. Именно словообразование позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности, рассмотреть ее сквозь призму шкалы соответствий системе ценностей, определить, какие ее элементы словообразовательно маркируются и почему, и тем самым выяснить, что в языковом сознании того или иного народа является жизненно и социально важным.

Выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательного детерминирования свидетельствует о его значимости для носителей языка. Эта селективность словообразования позволяет проиллюстрировать своеобразие перцепции и оценки человеком окружающего его мира. Оценивание действительности с точки зрения потребностей, интересов и установок познающего субъекта формирует глубинную основу системы ценностей народа.

Изучение фактов словообразования в этом аспекте позволяет выявить (как на синхронном, так и диахронном уровне) отношение народа к окружающей природе и общественно-социальным явлениям, поскольку в любом языке с помощью словообразовательных средств объективируются свойства и качества денотатов, являющихся социально или биологически значимыми для носителей языка.

Аксиологическая направленность словообразования позволяет интерпретировать предметы и явления внешнего мира через внутреннюю форму производного слова, которая в разных языках и диалектах (несмотря на универсальный характер объективной реальности) нередко оказывается разной. Именно словообразование дает возможность выявить способы оценки внеязыковой действительности, рассмотреть ее сквозь призму шкалы соответствий системе ценностей того или иного этноса и эксплицировать различия в лексико-семантическом освоении явлений внешнего мира.

О важной роли словообразования в моделировании языковой картины мира и его аксиологической ориентированности свидетельствует и тот факт, что одни семантические участки лексической системы языка оказываются открытыми для актов словообразования, а другие, наоборот, закрытыми. Об аксиологически направленном использовании словообразовательных средств свидетельствует и факт их семантической ориентации, когда за каждым аффиксом закрепляется определенная семантическая функция, эксплицирующая его семантическую

«специализацию» (например, существующие во всех славянских языках суффиксы субъективной оценки, в которых аксиологическая маркированность выражена ярче всего).

Контрольные вопросы

1. Как в словообразовании отражается познавательная и практическая деятельность человека?
2. В чем заключается сходство структуры производного слова и структуры оценочного высказывания?
3. Почему словообразование имеет аксиологическую направленность?
4. Как в словообразовании отражаются различия в лексико-семантическом освоении явлений внешнего мира разными этносами?

5. ТЕКСТЫ ДЛЯ АНАЛИЗА С ЗАДАНИЯМИ

5.1. СЛОВО О КНЯЗЬЯХ

СЛОВО ПОХВАЛНОЕ НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ СВЯТЫХ СТРАТОТЕРПЕЦ БОРИСА И ГЛЕБА, ДА И ПРОЧИИ НЕ ВРАЖДУЮТ НА БРАТИЮ СВОЮ

Слово – термин, характеризующий ораторское красноречие. «Слова» отличались глубиной содержания, профессиональным мастерством, литературной культурой. В торжественных словах поднимались широкие общественно-политические и религиозные проблемы.

«Слово о князьях» – литературный памятник XII века. Является произведением ораторской прозы. Поводом к его написанию были княжеские усобицы на Руси. Пафос слова – убедить князей отказаться от распрей и братоубийственных войн. В «Слове о князьях» Борис и Глеб являются примером братского послушания. «Слово» дошло в рукописях XV-XVII веков.

Слышасте, братие, что глаголет Господь в божественем евангелии: «Мнози приидут от восток и запад, и севера и моря възлягут в царствии, со Авраамом, и Исааком, и Иаковом в славе Отца небеснаго». И пакы рече Господь: «Мнози будутъ последнийи первии, а первии последнийи». И се мнози беша в первом законе угодивше богови, и те прославлени бысть Господом и чюдеса сътвориша, силы великыи и по смерти показаша. Но сия великия храбрая мученика Борис и Глеб в последнийи род обретошася, мнозии чюдеса ими бог показа в земли Рустеи и до ныне целбы недужным подают. О сих бо исполнися слово господем реченное: «Веруяи в мя силы велики сотворит и чюдеса болша покажет, аже аз творю». Разумеите, братие, что рече Господь и какую славу поадавает рабом своим на земли в роде человечестве и какову же честь дарует на небеси пред аггелы божии.

Сиа бо святая Борис и Глеб сына беста любима отцу своему, святому равно апостолом князю Владимиру, самодержьцу земли Русьскыя. Сии же святии Борис и Глеб не възхотеста власти и славы сия мимотекущия, по заповеди, руки подняти на брата своего. Возхотев же окаанный брат их Святополк отъяти власть их и житие их скончати; они же того не отвергошася, един убо копием в ребра прободен бысть, другии же ножем заклан бысть, яко агнец непорочен. Те же два святыя не токмо житием непорочным после даваста господу богу своему, но правдою, чистотою и любовию, кротостию и смирением и терпением; но и смертию чаши господня не отвергостася. И даровав им имя вышше имен в всеи поднебесной.

Слышите, князи, противящися стареишеи братьи и рать въздвижуше и поганя на свою братью возводяше, не обличил ти есть бог на страшной судищи. Како святыи Борис и Глеб претерпеста брату своему не токмо отъятие власти, но отъятие живота. Вы же до слова брату стерпети не можете и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь приемлете от поганых на свою братью.

Познайте, князи, свое величество и свою честь. Князя деда имате святаго Володимера, приведъша к богу тысяща тысящами и тмы тмами душ праведных. Каку брателю имате сиа великыя чудотворца Бориса и Глеба. Сима поревнуйте, сею образ имайте, сима накажетеса. Аще ли сотона коли вражду ввержет между братьею, да помянет сею святою, како смерть улубита паче прияти, нежели вражду удержати. И то кто претеръпит и мир преже начнет, то сима от бога равну мъзду приимет.

Скажу же вы притчю о сем не в чюже стране бывшю. Давид Свнтославичь, а Святослав Ярославичь святого Бориса и Глеба брат, тот Давид ни с кем не имеше вражды. Аще кто на рать въздвигнет, он же покорением своим рать уставляше. Княжаше в Чернигове в болшем княженъи, понеже бо старии братьи своеи. Аще кто кривду створяше к нему от братьи, он же все на себе протираше. Кому ли крест целоваше, в весь живот свои не ступаше; аще кто к нему не исправляше целованиа, он же одинако исправляше; никого приобиде, ни зла сотвори. Братья же его, видяще тако суца, вси слушахуть его яко отца и покоряются ему, яко господину. В велице тишине бысть княжение его.

ЗАДАНИЯ К ТЕКСТУ:

1. Отметьте стилистические приемы организации ораторской прозы.
2. Укажите архаические явления в области фонетики и орфографии.
3. Определите языковые средства славяно-книжной и народно-разговорной языковых стихий.
4. Выделите устойчивые ситуативные формулы, связанные с жанровым своеобразием приведенного отрывка.
5. Определите средства словообразования, относящиеся к книжно-славянской традиции.
6. Выделите производные имена со значением действия и лица и охарактеризуйте их словообразовательную соотношенность.
7. Выявите стилистическую функцию сложных слов.

5.2. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

СЛОВО О ПЪЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

«Слово о полку Игореве» до сих пор не имеет общепринятого определения жанра. Ведется спор, является «Слово о полку Игореве» литературным памятником или произведением устного народного творчества. Большинство исследователей датируют «Слово» концом XII века. Проникнутое мотивами славянской народной поэзии и языческой мифологии, по своему художественному языку «Слово» резко выделяется на фоне древнерусской литературы и стоит в ряду крупнейших достижений европейского средневекового эпоса. Книжные элементы отражаются в языке «Слова» наряду с народными чертами древнерусского языка. Вследствие частой переписки, «Слово» в дошедшем до нас списке утратило свои первоначальные черты, окрасилось особенностями новгородско-псковского говора (шизым, вечи, лучи, русици, дивницею и пр.); но и теперь оно еще отражает архаичные черты древнерусского литературного языка XII в. Вместе с тем «Слово о полку Игореве» с его сложной поэтической символикой, смелыми политическими призывами к князьям, языческой образностью, пестрой композицией, необычным бессоюзным синтаксисом в значительной степени стоит особняком в древнерусской литературе и книжности.

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донь шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногате, а кощеи по резане. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стреляти, удалыми сыны Глебовы.

Ты, буи Рюриче, и Давыде! Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаеме? Вступита, господина, въ злата стремя за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

Галичкы Осмомысле Ярославле! Высоко седиши на своемъ златокованнемъ столе, подперъ горы Угорскыи своими железными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землям текуть, отворяеши Киеву врата, стрелявши съ отня злата стола салтани за землями. Стреляи, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

А ты, буи Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носить ваю умъ па дело. Высоко плававши па дело въ буести, яко соколь на ветрехъ ширяся, хотя птицю въ буистве одолети. Суть бо у ваю железныи паворзи подъ шеломы Латинскими.

Теми тресну земля, и многи страны – Хинола, Литва, Ятвязи, Деремела и Половцы – сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тьи мечи харалужнии. Нь уже, княже, Игорю утръпе солнцю светъ, а древо не бологомъ листовие срони: по Роси и по Сули гради поделиша. А Игорева храбраго плъку не кресити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на победу. Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань...

Иньгваръ и Всеволодъ и вси три Мстиславичи не худа гнезда шестокрильци! Не победными жребии собе власти расхытите! Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкии и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребренными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кроваве траве притрепанъ Литовскими мечи. И с хотию на кровать, и рекъ: «Дружину твою, княже, птицъ крилы приоде, а зверя кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго – Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тела чресъ злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселие, трубы трубятъ Городеньскии.

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дедней славе. Вы бо своими крамолами начнете наводити поганя па землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которою бо беше насилие отъ земли Половецкыи!

ЗАДАНИЯ К ТЕКСТУ:

1. Отметьте, какие языковые черты свидетельствуют об отнесенности данного отрывка к собственно литературному стилю.
2. Выделите в нем языковые средства славяно-книжной и народно-разговорной языковых стихий.
3. Выявите устойчивые ситуативные формулы, связанные с жанровым своеобразием памятника.
4. Определите средства словообразования, относящиеся к книжно-славянской традиции.
5. Отметьте средства словообразования, связанные с народно-разговорной традицией.
6. Выделите производные имена со значением действия и лица и охарактеризуйте их стилистическую принадлежность.
7. Отметьте примеры образований нулевой суффиксации и конфиксации.

5.3. СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧЕНИКА, ЕЖЕ НАПИСА СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВОЛОДИМЕРОВИЧЮ

«Слово Даниила Заточника» – исключительно своеобразный памятник древнерусской литературы XIII века. Написан как обращение к новгородскому князю Ярославу Владимировичу. Личность автора не установлена. Одни исследователи считают Даниила дворянином, другие – княжеским дружинником, третьи – холопом. В «Слове» Даниила Заточника пересматривается традиционный взгляд на ценность человека в феодальном обществе, где заслуги ставятся в зависимость от общественного положения. По мнению Даниила, главным критерием человеческого достоинства является его ум. Послание Даниила представляет собой книжный, риторический текст, стиль которого отличается афористичностью, абстрагированностью и иносказательностью. При этом для «Слова» свойственно сочетание цитат из Библии с живой речью, сатирой, направленной против бояр и духовенства.

Въструбимъ, яко во златокованыя трубы, а разумъ ума своего и начнемъ бити в сребреныя органы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех. Востану рано, исповемя ти ся. Да разверзу въ притчах гадания моя и провещаю въ языцех славу мою. Сердце бо смысленаго укрепляется въ телеси его красотою и мудростию.

Бысть языкъ мой трость книжника скорописца, и уветлива уста, аки речная быстрость. Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего и разбих зле, аки древняя младенца о камень.

Но боюся, господине, похулениа твоего на мя.

Азь бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имею плода покаянию; имею бо сердце, аки лице безъ очию; и бысть умъ мой, аки нощныи врань па нырищи, забдех; и расыпаса животъ мой, аки Ханаонскыи царь буестию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона.

Се же бе написах, бежа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своеа.

Но видих, господине, твое добросердие к себе и притекох къ обычней твоеи любви. Глаголетъ бо въ Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царствия небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и той тя препитаеть въ веки.

Азь бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении, на ню же пи солнце сияеть, ни дождь идет; тако и азъ всемя обидимъ есмь, зане не ограженъ есмь страхом грозы твоеа, яко плодомъ твердым.

Но не възри па мя, господине, аки волкъ на ягня, по зри на мя, аки мати на младенець. Возри на птица небесныа, яко тии ни орють, ни сеють, но уповають на милость божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоя.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Бело озеро, а мне черней смолы; кому Лаче озеро, а мне на нем седа плачь горкии; и кому ти есть Новьгород, а мне и углы опадали, зане не процвите часть моя.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многообразных брашень. Мнози бо дружатся со мною, погнетающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обретаются и паки помогающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смеють ми ся. Темъ же не ими другу веры, ни надеися на брата.

Не лгалъ бо ми Ростислава» князь: лучше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лучше смерть, ниже продолжень животъ в нищети. Яко же бо Соломон рече: «Ни богатства ми, ни убожества, господи, не даи же ми: аще ли буду богатъ – гордость восприиму, аще ли буду убогъ – помышляю на татбу и на разбои, а жены на блядню».

ЗАДАНИЯ К ТЕКСТУ:

1. Охарактеризуйте стилистическое своеобразие приведенного выше отрывка.
2. Отметьте языковые средства организации риторического текста.
3. Выделите языковые средства славяно-книжной и народно-разговорной языковых стихий.
4. Выделите устойчивые ситуативные формулы, связанные с жанровым своеобразием отрывка.
5. Определите средства словообразования, относящиеся к книжно-славянской традиции.
6. Отметьте средства словообразования, связанные с народно-разговорной традицией.
7. Выделите производные имена со значением действия и лица и охарактеризуйте их стилистическую принадлежность.

5.4. СЛОВО ТРЕТЬЕ СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО СЛОВО СВЯТОГО ПРЕПОДОБНАГО СИРАПИОНА

«Слово 3-е Серапиона Владимирского» – принадлежит Серапиону Владимирскому, талантливому проповеднику XIII века, игумену Киево-

Печерского монастыря. В «Слове» показаны бедствия, постигшие Русскую землю во время татаро-монгольского нашествия. Причиной их Серапион считает грехи людские, за которые карает Бог. Мастерство ратора соединяется в словах Серапиона Владимирского с простотой и яркостью языка, эмоциональностью и искренностью. Творчество Серапиона знаменовало сохранение в литературе Владимирской Руси лучших традиций торжественного красноречия Киевской Руси XII века. «Слово» свидетельствует о том, что и после монголо-татарского нашествия культурная жизнь Древней Руси не прекращалась и ее традиции развивались.

Почюдимъ, братие, человеколюбье бога нашего. Како ны приводить к себе? Кыми ли словесы не наказеть насъ? Кыми ли запрещении не запрети намъ? Мы же никакоже к нему обратимся. Видевъ наша беззаконья умножившася, видев ны заповеди его отвергша, много знамении показавъ, много страха пуцаше, много рабы своими учаше, и ничим же унше покажемся. Тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лють, языкъ не щадяшь красы уны, немощи старецъ, младости детии; двигнухомъ бо на ся ярость бога нашего: по Давиду, въскоре възгорися ярость его на ны. Разрушены божественныя церкви; осквернени быша ссуди священнии; потоптана быша святая; святители мечю во ядь быша; плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снеть повержени быша; кровь и отецъ и братия наша, аки вода многа, землю напои; князии нашихъ воеводъ крепость ищезе; храбрии наша страха напольньшеся, бежаша; множайша же братия и чада наша въ пленъ ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величество наша смерися; красота наша погыбе; богатство наше онемъ в користь бысть; трудъ нашъ погании наследоваша; земля наша иноплеменикомъ в достояние бысть; в поношение быхомъ живущимъ въскраи земля наша; в посмехъ быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собе, акы дождь съ небеси, гневъ господень; подвигохомъ ярость его на ся и отвратихомъ велию его милость; и не дахомъ приизирати на ся милосердными очима. Не бысть казни, кая бы преминула насъ; и ныне беспретани казними есмы; не обратихомся к господу; не покаяхомся о беззаконии нашихъ; не отступихомъ злыхъ обычаи нашихъ, не оцестихомся калу греховнаго, забыхомъ казни страшныя на всю землю нашу; мали оставши велице творимся.

Тем же не престають злая мучаше ны: завесь умножилася, злоба преможе ны, величанье възнесе умъ нашъ, ненависть на другы вселися въ сердца наша, несытовство имения поработи ны, не дасть миловати ны сиротъ, не дасть знати человечесьскаго естества; но, акы зверье жадають насытитися плоти, тако и мы жадаемъ и не престанемъ, абы всехъ погубити, а горкое то имение и кровавое к собе пограбити; зверье едше насыщаются, мы же насытитися не можемъ, того

добывше, другаго желяемъ. За праведное богатство богъ не гневается на насъ, но, еже, речено пророкъ, с небеси призри господь видети, аще есть, кто разумевомъ или взыскали бога, вси уклонишася вкупе, и прочее. Ни ли разумеваютъ все творящи беззаконье, снедающе люди моя въ хлеба место? Апостол же Павелъ беспрестани въпиеть, глаголя: «Братие, не прикасайтесь делехъ злыхъ и темныхъ, ибо лихоимци грабители со идолослужители осудяться».

ЗАДАНИЯ К ТЕКСТУ:

1. Выявите языковые средства организации проповеднического текста.
2. Определите средства выразительности, характеризующие христианско-догматическую речь.
3. Выделите устойчивые ситуативные формулы, связанные с жанровым своеобразием отрывка.
4. Определите средства словообразования, относящиеся к книжно-славянской традиции.
5. Выделите производные имена со значением действия и лица и охарактеризуйте их стилистическую принадлежность.
6. Отметьте примеры образований нулевой суффиксации и конфиксации.

5.5. ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

СЕ ПОВЕСТИ ВРЕМЯНЫХ ЛЕТ, ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ
ЗЕМЛЯ, КТО В КИЕВЕ НАЧА ПЕРВЕЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДА РУСКАЯ
ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

«Повесть временных лет» – древнейший реально дошедший до нас летописный свод, вошедший в состав почти всех летописей XIV-XVI веков. Летописи являлись произведениями компилятивного содержания, в них включались самые разнообразные жанры: хронографы, легенды, предания, фольклорные произведения, зарисовки быта древних восточных славян, религиозные тексты, жития и сказания, договоры русских с греками, а также рассуждения философского, этического и патриотического характера. Разнообразный жанрово-стилистический состав летописных статей обусловил и различие в их языковой организации. Вот почему сравнение отрывков летописных сводов дает наглядное представление о возможности использования тех или иных стилистических возможностей языковой системы. В частности, при сопоставлении таких отрывков ярко обнаруживаются

стилистические функции производных образований различных словообразовательных типов.

5.5.1. ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ФЕОДОСИЮ ПЕЧЕРСКОМУ

Се же сбысться прореченье блаженаго отца нашего Феодосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овця нелицемерно, с кротостью и с рассмотреньемъ, блюда ихъ и бдя за ня, моляся за порученое ему стадо и за люди хрестьяньския, за землю Русьскую, иже и по отшествии твоёмъ от сея жизни молишися за люди верныя и за своя ученикы, иже, взирающе на раку твою, поминають ученье твое и въздержанье твое, и прославляютъ Бога. Азь же, грешный твой рабъ и ученикъ, недоумею, чимъ похвалити добраго твоего житья и въздержанья. Но се реку мало нечто: «Радуися, отче нашъ и наставниче, мирьскыя плища отринувъ, молчанье възлюбивъ, богу послужилъ еси в тишине, въ мнишескомъ житьи, всяко себе принесенье божественное принесль еси, пощеньемъ превозвышься, плотьскыхъ страстии и сласти възненавидевъ, красоту и желанье света сего отринувъ, вследуя стопами высокомысленнымъ отцемъ, ревнуя имъ, молчаньемъ възвышаяся, смиреньемъ и украшаяся, в словесехъ книжныхъ веселуяся. Радуися, укреплься надежею вечныхъ благъ, ихъ же приимъ, умертвивъ плотьскую похоть, источникъ безаконья и мятежь, преподобне, бесовьскыхъ козней избежь и от сети его с праведными, отче, почилъ еси, възприимъ противу трудомъ своимъ възьмездье, отцемъ наслѣдникъ бывъ, последовавъ ученью ихъ и нраву ихъ, въздержанью ихъ, и правило ихъ правя».

5.5.2. СКАЗАНИЕ О БЕЛГОРОДСКОМ КИСЕЛЕ

Володимеру же шедшу Новугороду по верховьние вое на печенегы, бе бо рать велика бес перестани, в се же время уведеша печенези, яко князя нету, и придоша и сташа около Белагорода. И не дадяху вылести из города, и бысть глад великъ в городе, и не бе лзе Володимеру помочи, не бе бо вои у него, печенегъ же множество много. И удолжися остоя в городе, и бе гладь великъ. И створиша вече в городе и реша: «Се уже хочемъ померети от глада, а от князя помочи нету. Да луче ли ны померети? Въдадимся печенегомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираемъ от глада». Бе же единъ старецъ не былъ на вечи томъ, и въпрашааше: «Что ради вече было?». И людье поведаша ему, яко утро хотять ся людье передати печенегом. Се слышавъ, посла по стареишины градьскыя, и рече имъ: «Слышахъ, яко хочете ся передачи печенегом». И рече имъ: «Послушайте мене не передайтеся за три дни, и я вы что велю, створите». Они же ради обещащася послушати. И рече имъ: «Съберете аче и по горсти овса, или

пшенице, ли отрубъ». И повеле женамъ створити цежь, в немъ же варять кисель, и повеле ископати колодязь, и вставить тамо кадь, и нальяти цежа кадь. И повеле другии колодязь ископати, и вставить тамо кадь, и повеле искати меду. Они же шедьше, взяша меду лукно, бе бо погребено в княжи медуши. И повеле росытити велми и вльяти в кадь в друземъ колодязи. Утро же повеле послати по печенегы. И горожане же реша, шедьше к печенегомъ: «Поимете к собе таль нашъ, а вы поидете до 10 мужъ в градъ, да видите, что ся дееть в граде нашем». Печенези же ради бывше, мняще, яко предатися хотять, пояша у нихъ тали, а сами избраша лучьшии мужи в родехъ и послаша в градъ, да розглядають в городе, что ся дееть. И придоша в городъ, и рекоша имъ людье: «Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 летъ, что можете створити нам? Имеемъ бо кормлю от земле. Аще ли не веруете, да узрите своима очима». И приведоша я къ кладязю, идеже цежь, и почерпоша ведромъ и льяша в латки. И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же печенези. И удивишася, и рекоша: «Не имуть веры наши князи, аще не ядятъ сами». Людье же нальяха корчагу цежа и сыты от колодязи, и вдаша печенегомъ. Они же пришедше поведаша вся бывшая. И варивше яша князи печенезьстии, и подивишася. И поимше тали своя и онехъ пустивше, вьсташа от града, восвоеси идоша.

ЗАДАНИЯ К ТЕКСТАМ:

1. Сравните два отрывка из Лаврентьевской летописи. Определите тематические различия между ними.
2. Охарактеризуйте лексический состав данных отрывков, связанный с их жанрово-стилистической принадлежностью.
3. Определите соотношение старославянских и восточнославянских элементов в каждом из отрывков.
4. Выявите словообразовательные черты каждого произведения. Сделайте вывод о зависимости в использовании словообразовательных средств от стилистической направленности текста.
5. Рассмотрите, как нормы русского литературного языка XI-XII веков отражаются в летописном тексте.
6. Выявите специфические черты летописного стиля, отличающие его от произведений других стилистических разновидностей.

5.6. ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА ДОНУ О ПОБОИЩИ, ИЖЕ НА ДОНУ, И О ТОМ, КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ КАКО БИЛСЯ С ОРДОЮ

«Летописная повесть о побоище на Дону» относится к жанру воинской повести. В ней описывается Куликовская битва 1380 г. – величайшее историческое событие средневековой Руси. Основной пафос повести – героико-патриотическое прославление русского воинства и князя Дмитрия Донского, гневное осуждение изменника Олега Рязанского. Воинские повести являлись произведениями светского исторического повествования, которые посвящались изображению военных подвигов, битв. Содержание воинских повестей проникнуто патриотическим пафосом, тревогой за судьбы родины, отражает борьбу русского народа за свою национальную независимость.

Тои же осени прииде ордыньский князь Мамаи с единомысленники своими, и с всеми прочими князми Ордыньскими, и с всею силою татарскою и половецкою, и еще к тому рати понаимовав бесермены, и армены, и фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы. Также с Мамаем вкупе в единомыслии, в единой думе с литовьский Ягаило с всего силою литовскою и лятскою. С ними же в одиначестве Олег Ивановичь князь рязаньский с всеми сими светники поиде на великого князя Дмитрея Ивановича и на брата его Володимера Андреевича. Но хотя человеколюбивый бог спасти и свободити род крестьяньский молитвами пречистыя его матере от работы измаилтеския, от поганого Мамаи, и от сонма нечестиваго Ягаила, и от велеречиваго и худаго Олга Рязаньскаго, не снабдевшего своего крестьянства; и придать ему день великий господень в суд аду. Окаянный же Мамаи, разгордевся, мнев себе, аки царя, начат злыи съвет творити, темныя свои князи поганыя звати. И рече им: «Поидем на рускаго князя и на всю силу рускую, якоже при Батыи было, крестьянство потеряем, и церкви божия попалим, и кровь их прольем, и законы их погубим». Сего ради нечестивый люте гневашеся о своих друзех и любовницех, о князех, избьеных на реце на Воже. И нача свирепои напрасно силы своя сбирати, с яростию подвижеса силою многою, хотя пленити крестьян. И тогда двигнушася вся колена татарская. И нача посылати к Литве, к поганому Ягаилу и к лстивому сотоньщику, дьяволу светнику, отлученному сына божия, помраченному тмою греховною, и не хотя разумети, Олгу Рязаньскому, поборнику бесерменьскому, лукавому сыну, якоже рече Христос: «От нас изидоша и на ны быша». И учини собе старый злодеи Мамаи съвет нечестивый с поганою Литвою и с душегубивым Олгом стати им у реке у Оке на Семень день на благовернаго князя. Душегубивый же Олег нача зло к злу прикладати, посылаше к Мамаю и к

Ягаилу своего си боярина единомысленаго, антихристова предтечу, именем Епифана Кореева, веля им быти на той же срок и той же съвет съвеща стати у Оке с трехглавными зверми сыроядци, а кровь прольяти. Враже изменниче Олже! Лихоимьства открываеши образы, а не веси, яко мечь божии острится на тя, якоже пророк рече: «Оружие извлекоша грешници и напругоша лук стреляти в мрак правыя сердцем; и оружия их внидут в сердца их, и луци их съкрушатся». И бысть месяца августа. Приидоша от Орды таковыя вести к христоролюбивому князю, оже въздвизается па крестьяны измалтеский род. Олгу же, уже отпадшему сана своего от бога, иже злыи съвет сътвори с погаными и посла к князю Дмитрею весть лестную, что «Мамаи идетъ с всем своим царством в мою землю рязанскую на мене и на тебе; а и то ти буди ведомо, и литовский идетъ на тебе Ягаило с всею силою своею». Дмитрию же князь се слыша не веселую ту годину, что идут на него вся царствия, творящей безакония, а глаголюще: «Еще наша рука высока есть»; иде к соборней церкви матери божии богородицы и пролья слезы и рече: «О господи, ты всемогущи и всеильныи, крепкии в бранех, въистину еси царь славы, сътворившии небо и землю, помилуй ны пречистыя ти матери молитвами, не остави нас, еда унываем; ты бо еси бог наш и мы людие твои, пошли руку твою свыше и помилуй ны, посрами враги наша, и оружия их притупи; силен еси господи, кто противится тебе. Помяни, господи, милость свою, иже от века имаши на роду крестьяньском. О, многоименитая дево, госпоже, царице небесным чином, гос-поже, присно всея вселенныя и всего живота человеческого кормительнице, въздвигни, госпоже, руке свои пречистая, има же носила еси бога воплощенна, не презри крестьян сих, избави нас от сыроядець сих и помилуй мя». Въстав от молитвы, изыде из церкви и посла по брата своего Володимера и по всех князей русских и по воеводы великия. И рече брату своему Володимеру, и к всем князем руским, и воеводам: «Поидем противу сего окаяннаго и безбожнаго, нечестиваго и темнаго сыроядца Мамаю за правую веру крестьяньскую, за святыя церкви, и за вся младенца, и старца, и за вся крестьяны».

ЗАДАНИЯ К ТЕКСТУ:

1. Охарактеризуйте стилистическое своеобразие отрывка, представляющего собой воинскую повесть.
2. Отметьте языковые отличия данного летописного произведения от отрывков религиозного и фольклорного содержания, приведенных выше.
3. Определите соотношение языковых средств славяно-книжной и народно-разговорной языковых стихий.

4. Выделите устойчивые ситуативные формулы, характерные для воинских повестей.
5. Определите средства словообразования, относящиеся к книжно-славянской традиции.
6. Отметьте средства словообразования, связанные с народно-разговорной традицией.
7. Выделите производные имена со значением действия и лица и охарактеризуйте их стилистическую принадлежность.

5.7. ЖИТИЕ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО СЛОВО О ЖИТИИ И УЧЕНИИ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО СТЕФАНА, ЕПИСКОПА ПЕРМСКОГО

«Житие Стефана Пермского» написано монахом Троице-Сергиева монастыря Епифанием, прозванным за свою образованность Премудрым. Цель жития - прославить миссионерскую деятельность русского монаха, ставшего епископом в далекой коми-пермяцкой земле, показать торжество христианства над язычеством. Тщательно собрав фактический материал о Стефане, Епифаний оформляет его в изящный и торжественный панегирик. В произведении отразился литературный язык начала XV столетия. Оно написано в витиеватой манере с использованием большого количества сложных слов, отвлеченной лексики, разнообразных метафор, перифраз и под.

Коль много лет мнози философи еллинстии събирали и составлявали грамоту греческую, и едва уставили мноземи труды и многими времена, едва сложили; пермскую же грамоту, един чрънецъ сложил, един составил, един счинил, един калогер, един мних, един инок, Стефан глаголю, приснопомнимый епископ, един в едино время, а не по многа времена и лета, якоже и они, но един инок, един въединеныи и уединяся, един, уединеныи, един у единого бога помощи прося, един единого бога на помощь призываа, един единому богу моляся и глаголя: боже и господи, иже премудрости наставниче и смыслудавче, несмысленым казателю и нищим заступниче: утверди и вразуми сердце мое, и дай же ми слово, отчее слово, да тя прославляю в веки веком. И сиче един инок, к единому богу помоляся, и азбуку сложил, и грамоту сотворил, и книги перевел в малых летех, богу помагающу ему; а они мнози философи, многими леты, седьмь философов, едва азбуку уставили, а 70 муж мудрец предложение преложили, перетолмачили <...>

Темже, епископе, добро дело съделал еси, достоин быть похвалы; тебе бо бог похвали, еже есть отец, и сын, и святой дух, его же ты благословил еси, егоже ты проповедал еси, егоже ты прославил еси, и бог тебе прослави, възмездие подая тебе противу труд твоих. Бог бо прославляет угодники своя, служащаа ему верно, тебе и бог прослави, и аггели похвалиша, и человецы почтиша, и пермяне ублажиша, иноплеменницы покоришася, иноязычници устыдешася, погании посрамишася, кумири съкрушишася, беси исчезоша, идоли попрани быша. Да и аз многогрешный и неразумный, последуя словесем похвалении твоих, слово плетуци и слово плодящи, и словом почтити мнящи, и от словесе похваление събираа, и приобретаа, и приплетаа, паки глаголя: что еще ты нареку, вожа заблуждышим, обретателя погыбшим, наставника прелщеным, руководителя умом ослепленным, чистителя оскверненным, взискателя расточеным, стража ратным, утешителя печальным, кормителя алчующим, подателя требующим, наказателя несмысленым, помощника обидимым, молитвеника тепла, ходатаа верна, поганым спасителя, бесом проклинателя, кумиром потребителя, идолом попирателя, богу служителя, мудрости рачителя, философии любителя, целомудрия делателя, правде творителя, книгам сказателя, грамоте пермьстей писателя? Многа имена твоя, о епископе, много именитство стяжал еси, многих бо даров достоин бысть, многими благодатьми обогател еси. Да что ты еще прочее нареку, что еще требуеши именованый, что еще не стало на похваление прочих наречений твоих; аще и понудихся на проглашение, словесы похвалити ты недоуменно, аще и длъжен ти бых словесы послужити ти, аз окаанный грубый лишеник, многогрешный в человецех и недостойный во иноцех, како похваляю ты не веде, како изреку, не разумею, чим ублажу, недоумею <...>

ЗАДАНИЯ К ТЕКСТУ:

1. Проанализируйте жанрово-стилистические особенности отрывка из житийного текста.
2. Отметьте языковые средства и приемы организации текста, используемые автором для описания величия дел Стефана Пермского.
3. Укажите архаические явления в области фонетики и орфографии.
4. Охарактеризуйте языковые средства, связанные со вторым южнославянским влиянием.
5. Отметьте случаи употребления отвлеченной лексики с книжно-славянскими словообразовательными формантами.
6. Выделите производные имена со значением действия и лица и охарактеризуйте их стилистическую принадлежность.

5.8. НАСТАВЛЕНИЯ МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА

«Наставления митрополита Даниила» – отрывки из публицистических произведений писателя XVI века – Даниила, игумена Волоколамского монастыря, впоследствии митрополита всея Руси. До нас дошло 16 «Слов», написанных Даниилом, в которых он затрагивает догматические, обрядовые и нравственно-бытовые проблемы. Даниил – талантливый сатирик, с тонкой наблюдательностью изобразивший дурные нравы различных сословий Московского государства.

НАКАЗАНИЕ 12-е

Господь рече: «Блажени плачущей, и горе смеющимся ныне, яко възрыдаете и восплачете». Ты же сопротивнаа богу твориши, а христианин сый, пляшеши, скачешы, блуднаа словеса глаголешы, и инаа глумления и сквернослова многаа съдеваешы и в гусли, и в смыки, в сопели, в свирели вспеваешы, многаа служения сатане приносиши...

Господь заповеда рек: «Блюдите да не отягчают сердца ваша обиадением и пианством». Ты же обиадаешись, яко скот, и пианствуешы день и ночь, многажды и до блевания, якоже и главою болети, и умом пленитися. Несть сие христианского закона...

Господь заповеда рек: «Научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покои душам вашим». Ты же нимало сеи заповеди хочешы научитися, но и не внимаешы, и паче множае гордишися, и превозношаешися, рыкаешы, аки лев, и лукавствуешы, яко бес, и на диавольскаа позорища течешы, яко свинопас. Жены красны блудница, или ино лице женовидно краснеющесея видево, и светло и мягко тело объюхав, и притек, объем, целуешы, мызжешы, и рукама осязавши, и толико безстуден и безумен быв бесовьскою любовию восхотився к ней, аки бы ея внутрь себе вместити, сиче помрачен сый якоже от безсловесных бываа, аки жребец некый слаткояростивый, рзяя, и сластию распалаася, аки огнем горя, яко вебрь к свинии своей похотствуа, и употева, и пены испущаа, сиче и ты, безсловесным позавидев, словесное естество в безсловесное поработив. О человеце, сиче услажаешы сластми, и от разгорения тела сластеи мокроты испущаа...

Велии подвиг твориши, угожая блудницам: ризы изменяешы, хождение уставляешы, сапогы велми червлены и малы зело, якоже и ногам твоим велику нужу терпети от тесноты съгнетения их, сиче блистаешы, сиче скачешы, сиче рычаши и рзаешы, уподобляся жребцу, благому же обычаю, простоте и кротости и смирению, якоже боголюбцем обычай есть, целомудренно и смиренно житие

ни мало хоцещи навькнути, но яко блудницам обычаи есть, сиев нрав свои уставляеши. Власы же твоа не точию бритвою и с плотию отъемлещи, но и щипцем и с корене исторзати и ищипати не стыдишиси, женам позавидев мужское свое лице на женское претворяши. Или весь хоцещи жена быти? О помрачения сластей плотских! О безумия конечного!.. Лицо же твое много умывавши и натрываетеши, ланиты червлены, красны, светлы твориши, якоже некая брашна дивно сътворено па снесь готовишися. Устне же светлы, чисты и червлены зело дивно уставив, якоже неким женам обычай есть кознию некою ухитряти себе красоту, сие же подобно им ты украсив, натер, умызгав, благоуханием помазав, мягцы зело уставляеши, якоже сими возможи многих прельстити. Тело же свое не точию обиадении и пианства, но и безчисленными измовении, и натривании и сие блистатися и светлитися устраеши, якоже велми дивен некий камень лучи светлыи испущаа.

ЗАДАНИЯ К ТЕКСТУ:

1. Отметьте, какие языковые черты свидетельствуют об отнесенности данного произведения к публицистическому стилю.
2. Определите языковые средства, создающие сатирическую направленность текста.
3. Охарактеризуйте средства выразительности, присущие стилю публицистики XVI века.
4. Определите средства словообразования, относящиеся к книжно-славянской традиции.
5. Отметьте средства словообразования, связанные с народно-разговорной традицией.
6. Выделите производные имена со значением действия и лица и охарактеризуйте их стилистическую принадлежность.

5.9. ДОМОСТРОЙ

«Домострой» – анонимный памятник средневековой литературы, отразивший представление об идеальном хозяйстве, семейной жизни и этических нормах христианского общества. В основе текста Домостроя лежит несколько традиционных для средневековья жанров: поучения «от отца к сыну», нравственные сентенции «святых отец», «обиходники», которые определяют порядок и чин, например, монастырского служения. Многие рекомендации Домостроя вынесены из переводных поучений, отсюда

архаическая форма выражения. При этом характер и колорит самого текста, идеологические акценты и источники являются чисто русскими.

КАКО ДЕТЕИ СВОИХ ВОСПИТАТИ ВО ВСЯКОМ НАКАЗАНИИ И СТРАСЕ БОЖИИ

А пошлет бог у кого дети сынове или дщери, ино имети попечение отцу и матери о чадах своих снабдити их и воспитати в добре наказании и учити страху божию и вежству и всякому благочинию и по времени и детям смотря и по возрасту учити рукоделию матери дощери, а отцу сынове кто чево достоин, каков кому просуг бог даст любити их и беречи и страхом спасати. Уча и наказуя и разсужая раны возлогати наказуи дети во юности покоит тя на старость твою, и хранити и блюсти о чистоте телесней и от всякого греха отцем чад своих, якоже зеницу ока и яко душе. Аще что дети согрешают отцовым и матерним небрежением им о тех гресех ответ дати в день Страшного суда. А дети аще не брегемы будут в ненаказании отцов, и матери аще что согрешат или что сотворят и отцем и матерем з детми от бога грех, а от людеи укор и посмех, а дому тщета, а себе скорбь и убыток, а от судеи продажа и соромота. Аще у богоязливых родителей, и у разумных и благорассудных чада воспитани в страсе божи, и в добре наказании и в благорассудном учении всякому разуму и вештву и промыслу и рукоделию, и те чада с родители своими бывають от бога помиловани и от освещеннаго чину благословены, а от добрых людеи хвалими, а в совершене возрасте добрые люди с радостию и с благодарением женят сынов своих по своей версте по суду божию, а дщери за их дети замуж выдают...

КАКО ЧАД ВОСПИТАТИ С НАДЕЛКОМ ЗАМУЖ ВЫДАТИ

А у кого дочь родится ино разсудны люди от всякого приплода на дочь откладывають на ее имя или животинку растут с приплодом, а у полотен и у вусчин и у ширинок и у вубрусов и рубашек, по вся годы ей в пришенной сундук кладут и платье, и саженье, и монисто, и святость, и сосуды оловяные и медные и деревянные прибавливати не по мношку всегда и не вдруг себе не в досаду, а всево будет полно. Ино дочери растут, а страху божию и вештву учатся, а приданое с ними вдруг прибывает и как замуж зговорят, ино все готово. А толко ранее хто о детех не смышляет да как замуж дать и в ту пору все покупать ино скорая женитва видома работа...

КАКО ДЕТИ УЧИТИ И СТРАХОМ СПАСТИ

Казни сына своего от юности его и покоит тя на старость твою и даст красоту души твоеи. И не ослабляи бия младенца, аще бо жезлом биеша его не умрет, но здравие будет, ты бо бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти. Дщерь ли имаши, положи на них грозу свою, соблюдеши я от телесных да не посрамиши лица своего да в послушании ходит да не свою волю приимши и в неразумии прокудит девство свое и сотворится знаем твоим в посмех и посрамят тя пред множеством народа, аще бо отдаси дщерь свою бес порока, то яко велико дело совершиши и посреди собора похвалишися при концы не постонеша на ню.

Любя же сына своего учащаи ему раны до последи о нем возвеселишися. Казни сына своего измлада и порадуешися о нем в мужестве и посреди злых похвалишися и зависть приимут враги твоя. Воспитаи детище с прещением, и обрящеши о нем покои и благословение. Не смеися к нему игры творя в мале бо ся ослабиши в велице поболити, скорбя и после же яко оскомины твориши души твоеи. И не дать ему власти во юности, но сокруши ему ребра донележе растет, а ожесточав не повинет ти ся и будет ти досажение и болезнь души и тщета домови погибель имению и укоризна от сусед и посмех пред враги пред властью платежь и досада зла.

ПОХВАЛА ЖЕНАМ

Аще дарует бог жену добру дражайши есть камени многоценнаго таковая от добры корысти не лишится, делает мужу своему все благожитие. Обретши волну и лен сотвори благопотребно рукама своима. Бысть яко корабль куплю деючи, издалече збирает в себе богатество. И востает из ноци и дает брашно дому и дело рабыням, от плода руки своею насадит тяжание много. Препоясавше крепко чресла своя утвердит мышца своя на дело. И чада своя поучает, тако же и раб, и не угасает светилник ея всю ночь. Руце свои простират на полезная, лакти же своя утверждает на вретено. Милость же простират убогу. Плод же подает нищим. Не печется о дому муж ея. Многообразна одеяния преукрашена сотвори мужу своему и себе и чадом и домочадцем своим. Всегда же муж бысть в соньмищи с вельможи и сядет знаемым вельми честен бысть, и благо разумно беседова разумеет яко добро делати ни кто же без труда венчан будет. Жены ради добры блажен муж и число дний его сугубо. Жене добре веселит мужа своего и лета его исполнит миром... Жена добра и страдолюбива и молчалива, венец есть мужеви своему; обрете муж

жену свою добру износит благая из дому своего. Блажен есть таковыя жены муж, и лета своя исполняют во блазе мире. О добре жене хвале мужу и честь...

ЗАДАНИЯ К ТЕКСТУ:

1. Охарактеризуйте стилистическое своеобразие приведенных выше отрывков.
2. Определите соотношение в каждом из них языковых средств славяно-книжной и народно-разговорной языковых стихий.
3. Выделите устойчивые ситуативные формулы, связанные с жанровым своеобразием памятника.
4. Определите средства словообразования, относящиеся к книжно-славянской традиции.
5. Отметьте средства словообразования, связанные с народно-разговорной традицией.
6. Выделите производные имена со значением действия и лица и охарактеризуйте их стилистическую принадлежность.
7. Определите стилистические функции сложных слов.

6. СЛОВАРЬ ДРЕВНЕРУССКИХ СЛОВ

абие — тотчас	лучиться — случиться
агнец — ягненок	метание — земной поклон
аки, акы — как	мытарь — сборщик податей
алчныи — голодный	наипаче — больше всего
амо — куда	наказание — наставление
аще — если, хотя	нарочитыи — богатый, знатный
блажити — восхвалять	неже — нежели, чем
блазненъ — соблазняющий, обманчивый	николи — никогда
блюстися — остерегаться	нужда — труд
борзо — быстро	обаче — но, однако
брашно — пища, еда	овогда — иногда
буи — отважный, смелый	опричь — кроме, исключая
вежа — шатер	отчина — отцовское родовое владение
велии — большой	паки, паки — опять, снова
вельми — очень	паче — более, лучше
весь — село	персть — пыль, прах
вкупе — вместе	поганыи — язычник
воздухъ — покрывало для чаши на престоле в церкви	позорище — зрелище
гознути — лишиться, избегнуть	полкъ — поход
горазнее — искуснее, лучше	поне, поне же — потому что, хотя, даже
дивии — дикий	потребити — истребить
донеле, дондеже — пока, до тех пор пока	прелестныи — лживый, обманчивый
дньесь — сегодня	присно — всегда
егда — когда	присныи — родной, близкий
еже — если, которое, что	притрепати — разбить, сразить
елико — сколько	просугъ — возможность, способность
зане — так как, потому что	проторы — расходы, убытки
камо — куда	разве — кроме
келарь — монах, заведующий монастырским хозяйством	рака — гробница
котора — раздор, распря	ревность — усердие
купно — вместе	семо — сюда
кыйждо — каждый	
лепо — хорошо, достойно	

сингклить — собрание высших сановников
сиречь — то есть
сице — так
скудельница — кладбище
смердь — крестьянин
сонмъ — собрание
срачица — рубашка
стогна — площадь, улица
стругъ — лодка, судно
сулица — копье
тать — вор
тиунъ — слуга, княжеский управляющий
толмачъ — переводчик
точию — только
туга — печаль
убо — итак, так же
убрусъ — платок, полотенце
узы — веревки, цепи
уязвити — ранить
червленый — красный
чресла — поясница, стан,
ядь — пища
языкъ — народ, племя
яко — что, как
яти — брати

7. КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ВСЕМУ СПЕЦКУРСУ «СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СТИЛИСТИКА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА»

1. Каковы предмет и задачи исторической стилистики русского языка?
2. Какова роль внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в становлении и функционировании стилистической системы русского литературного языка?
3. Как соотносится становление стилей и пути складывания литературного языка?
4. Назовите три компонента языкового знака, которые, по мнению В.В. Колесова, определяют весь спектр стилей в любые периоды развития языка.
5. Какова роль словообразования в стилистической организации текста?
6. Перечислите стилистически маркированные и стилистически нейтральные суффиксы в истории русского языка. Каковы по происхождению данные суффиксы?
7. В чем специфика словообразовательных процессов и словообразовательных отношений в истории русского языка?
8. Какую функцию выполняет словообразовательная база и словообразовательные средства в системе словообразования?
9. Какие изменения происходят в словообразовательной базе и словообразовательных средствах в истории русского языка?
10. Как формируется нулевая суффиксация и конфиксация в истории русского языка?
11. Перечислите основные пути формирования словообразовательной синонимии, антонимии и омонимии.
12. Как связаны словообразовательная синонимия, антонимия и омонимия и стилистическая организация текста?
13. Как происходит взаимодействие разных способов морфологического и семантического словообразования в истории русского языка?
14. Как проявляется стилистическая маркированность словообразовательных средств в современном русском языке?
15. В чем своеобразие словообразовательных процессов в функциональных стилях современного русского языка?
16. Как дифференцируются книжные словообразовательные средства, разговорные словообразовательные средства, словообразовательные средства художественной речи?
17. Какова роль словообразования в моделировании языковой картины мира?

18. В чем заключается аксиологическая ориентированность русского словообразования?

ЛИТЕРАТУРА

Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 86-128.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 384 с.

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 296 с.

Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр.лит-ры, 1961. – 394 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр.лит-ры, 1955. – 416 с.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998. – 240 с.

Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Наука, 1984. – 184 с.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.

Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 207-226.

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419-442.

Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. – М.: Русский язык, 1984. – 152 с.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993. – 223 с.

Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. гос. ун-та, 1990. – С. 16-36.

Крылова Л. Историческая стилистика русского языка как функциональная стилистика и стилистика ресурсов (на примере анализа морфологических средств стилистического употребления в учительных произведениях XVI в.) // Opera Slavica, 2013. – Vol. 23. Iss. 2. – Pp. 7-15

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Едиториал УРСС, 2018. – 208 с.

Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – С. 57-70.

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. – М.: Наука, 1970. – 180 с.

Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб.: Алетейя, 1999. – 511 с.

Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. – Казань: Изд-во «ДАС», 2001. – 275 с.

Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. – Казань: Изд-во КГУ, 1987. – 152 с.

Николаев Г.А. Формы именного словообразования в древнерусских текстах // История русского языка. Лексикология и грамматика. – Казань: Изд-во КГУ, 1991. – С.69-75.

Николаев Г.А. Русское и славянское словообразование. – Казань, Казан. ун-т, 2011. – 220 с.

Николаева Т.М. Очерки по исторической стилистике и словообразованию. – Казань: Изд-во КГУ, 2000. – 148 с.

Панов М.В. О слове как единице языка // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. Потемкина. – М., 1956. – Т.51. Вып. 5. – С. 129-165.

Пешковский А.М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? // Пешковский А.М. Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 74-100.

Стилистика русского языка: [электронный ресурс] учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – 4-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка // Под. ред. М.Н. Кожин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

Тарланов З.К. О предмете и задачах исторической стилистики русского языка // Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. гос. ун-та, 1990. – С. 4-15.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.